

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Павел Комарницкий
Исполнитель

«Автор»

Комарницкий П. С.

Исполнитель / П. С. Комарницкий — «Автор»,

Быть прямым Исполнителем предначертанного свыше – не привилегия, а тяжкое наказание, данное за прежние грехи и злодеяния. Что может быть безумнее, чем полюбить бесплотный дух? Но Исполнитель, витязь Первей, как и ведущая его бесплотный дух Голос Свыше, уверены – в конце концов они добьются счастья, потому что этот мир в основе своей всё-таки справедлив...

© Комарницкий П. С.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Павел Комарницкий

Исполнитель

Конь запрядал ушами, тихонько всхрапнул – почуял засаду, затаившуюся в тёмном переплетении ветвей на том краю круглой поляны, которую лесная дорога рассекала как раз пополам, точно умелая рука булочника каравай свежего хлеба. При мысли о горячем, душистом каравае, только что вынутом из печи, Первей сглотнул слюну. Вот ведь странно устроен человек – на том краю поляны его дожидаются восемь разбойников, причём у двоих из них самострелы, заряженные короткими стальными болтами, способными пробить любой доспех, а ему лишь бы пожрать. Верно говорят, голод не тётка.

Первей вздохнул. До ближайшего каравая ему ещё неблизко, а работу надо было сделать сейчас. Ладно, приступим.

– Эй, разбойнички! – сложив руки рупором, прокричал Первей. – Выходите уже, не прячьтесь!

Теперь он явственно чувствовал их замешательство. До чего наглый пошёл клиент, сам разбойничков задирает. Однако численный перевес и голодное брюхо толкнули разбойников на следующий шаг. Ватага высыпала из лесу, свистя и улюлюкая, в целях запугивания клиента и подъёма собственного боевого духа. Первей не двигался, и вся шайка мигом окружила жертву. Кто-то уже держал Гнедка за узду. В глаза Первею смотрели болты самострелов.

– Ну что, малый, кошелёк или жизнь? – бородатый атаман, могучий, как медведь, и опасный, как тот же медведь-шатун, ухмылялся. – Сам позвал, а за вызов платить надобно!

Разбойнички заржали так, что Гнедко всхрапнул и дёрнулся. Оценили шутку своего атамана.

– Ну зачем мне ваши кошельки? – улыбнулся Первей. – Жизнь, атаман Неясыть. Мне нужны ваши жизни.

Ухмылка сползла с лица атамана. Короткий кивок – и две тяжёлые кованые стрелы с теньканьем ударили в цель.

Один разбойник, совсем ещё молодой, безусый парень, умер мгновенно – стрела попала точно между глаз. Второй, заросший бородищей до глаз, немолодой зверообразный мужик оседал, рыча, как раненый зверь – стрела торчала у него из живота, глубоко засев в могучей мышечной плите брюшного пресса. Двое стоявших рядом разбойников с рёвом рубанули своих товарищей-стрелков топорами, по-крестьянски, наотмашь. Зарубленные стрелки ещё валились на землю, а разбойники с топорами, не прекращая реветь, как медведи, выгнанные из берлоги, кинулись на своего вожака и стоявшего рядом с ним разбойника, высокого косоротого мужика в красной засаленной рубахе, с нечёсаными патлами, повязанными кожаным шнурком.

Как ни неожиданна была измена, атаман и его союзник не растерялись – вместо того, чтобы выяснять причины столь необычного поведения своих товарищей, они встали в стойку, разом взмахнув мечами – мечи были только у атамана и этого, в красной рубахе. Неуклюжий топор против опытного меча оружие, в общем-то, бесполезное, и через пару секунд один из разбойников с топором уже валился, хватаясь за наискось рассечённую грудь, где среди обломков рёбер трепыхалось кроваво-красное. Первей поморщился: сценарий его не устраивал.

Долговязый в красной рубахе с разворота рубанул по атаману, переходя на сторону противника, но атаман и тут не подкачал – ловко ушёл от удара, с перекатом, и встал в стойку раньше, чем его недавние друзья-товарищи успели очутиться рядом.

Теперь атаману было трудно – долговязый с мечом если и уступал атаману в ловкости и умении, то ненамного. Правда, атаман явно превосходил красную рубаху в силе, но этот перевес с лихвой компенсировал разбойник с топором.

Двоим разбойникам никак не удавалось взять атамана в клещи. Некоторое время на поляне слышались только хриплые выкрики и лязг стали. Атаман начал выдыхаться, но в этот момент долговязый споткнулся, и меч атамана без замаха рубанул его по кисти. Рука с мечом отлетела прочь, разбойник взвыл и кинулся было прочь, но его коллега с топором неожиданно саданул его своей секирой по рёбрам, и тот повалился навзничь, хрипя и кашляя. Это лишнее движение стоило разбойнику с топором жизни – атаман шагнул к нему, валясь в подкате, и рубанул по ногам.

Первей смотрел, не сходя с коня, даже не положив руку на черен меча, торчащего за спиной. Атаман Неясыть стоял, тяжело дыша и сжимая в руке меч, по рукоять залитый кровью, а на поляне копошились его недавние товарищи, и жизнь толчками уходила из них, красными струями брызгая на истоптанную высокую лесную траву.

– Ты и вправду хорошо обучен бою, Неясыть, – Первей смотрел, как застывают на траве багровые пятна, чернеющие на глазах, и как замирают раненные, погружаясь в свой последний сон. – На что же ты употребил данное тебе умение, атаман Неясыть, бывший солдат королевской пехоты?

– Ты кто? – прохрипел атаман, налитыми кровью глазами следя, как рослый воин нетопливо соскакивает с коня, по-прежнему не обнажая меча.

Первей чуть улыбнулся, неловко.

– Я Исполнитель.

Он обернулся вполоборота к разбойнику, начал подтягивать подпругу. Момент был очень удобен для нападения, но атаман его не использовал – очевидно, понял всю бесполезность. Первей усмехнулся – всё верно, для того, чтобы держать в руках шайку разбойников, одной силы мало, атаману необходим ум, плюс настоящее звериное чутьё.

– Чего тебе надо? – разбойник никак не мог восстановить дыхание, дышал хрипло и натужно: ночёвки в лесу в любое время года – плохое лекарство для простуженных бронхов.

– Я же сказал – жизнь.

Первей закончил охорашивать сбрую, повернулся и взглянул разбойнику в глаза.

– Станислав Ежи, он же атаман Неясыть, ты лично убил тридцать девять человек, и только что пытался совершить сороковое убийство, и не твоя заслуга в том, что тебе это не удалось. Тебе придётся умереть. Твоя смерть была бы очень скверной, Станислав Ежи, если бы ты однажды не совершил благородный поступок. Ты помнишь его?

Атаман облизал губы.

– Крыся?

– Да. Ты спас её от насильников и не обидел беспомощную сам. Тогда ты ещё был способен совершать благородные поступки, Стас Ежи.

Взгляд атамана стал совершенно дик.

– Да ты кто? Кто тебя послал?

Первей промолчал. Вот уже сколько лет он ищет ответ на этот вопрос: кто он? И кто послал его? Кто дал силы и умения для выполнения его миссии, в которую здоровый ум верит с огромной натугой?

– Не знаю, Неясыть, – Первей улыбнулся неловко. – Но мы отвлеклись. Ты имеешь право покончить с собой, сейчас, своим оружием. Воспользуешься ли ты им?

– А если я откажусь? – атаман наконец восстановил дыхание, и вместе с ним к нему вернулась былая самоуверенность, хотя и изрядно помятая дикими событиями.

– Я помогу тебе. – Первей смотрел без улыбки.

Атаман встал в стойку, выдавив кривую ухмылку.

– Ну так помоги, если сможешь.

Первей вздохнул.

– Ты не понял. **Я повешу** тебя. Тебе это надо?

Атаман молча двинулся вперёд, очевидно, не в силах более выносить ситуацию, которую нормальный рассудок выносить и не обязан.

Первей взмахнул рукой – короткий глухой удар, и разбойник валится, как сноп. Свинцовый шарик – замечательная штука, для того, кто умеет с ним обращаться, конечно. Можно, конечно, было поступить иначе... Но атаман разбойников – личность, трудно поддающаяся суггестии, а для серьёзной волшбы времени не было. И потом, где набраться маны на всех разбойников?

Когда атаман очнулся, он обнаружил себя сидящим на коне, со связанными за спиной руками, а шею сдавливал шёлковый шнурок. Тот, кто назвался Исполнителем, держал коня под уздцы.

– Слушай... отпусти... золото у меня... всё твоё, забирай... ну смилуйся, пощади... – атаман хрипел, конь нетерпеливо переступал ногами, косясь на чужого и весьма неприятного седока.

Первей вздохнул.

– Ты не понял. Я не могу. Твой путь на земле закончен, и не в моих силах что-либо изменить. Я лишь исполняю предначертанное.

– Да чего исполняешь?! Кем предначертанное?! – атаман привстал в стременах, ослабив натяжение петли, и голос прорезался.

Первей чуть улыбнулся.

– Не знаю.

Он повернулся и пошёл, ведя коня в поводу, не оборачиваясь назад, где на суку нелепо дёргался бородатый человек, закончивший свой земной путь так страшно.

* * *

В корчме было полно народу, от гула голосов слюда в переплёте окошка дрожала, как крыло бабочки. Пьяные выкрики прорезали общий гул, слышался дружный взрыв хохота. Пламя толстого свечного огарка то и дело колебалось, грозя затухнуть, при каждом открытии входной двери.

– Угодно пану чего-нибудь ещё? – хозяин корчмы стоял в странно-напряжённой позе, видимо, размышляя, надо ли кланяться этому гостю, или нет. С виду вроде бы рыцарь, а может, разбойник, кто их теперь разберёт... С тех пор, как славное Польское королевство объединилось с Великим Княжеством Литовским, всё смешалось, и странствующих рыцарей от разбойников отличать стало совсем уже невозможно.

Первей улыбнулся, отодвинул глиняное блюдо.

– Спасибо, почтенный, я сыт. Вот разве ещё кружечку пива – такое пиво я последний раз пил, пожалуй, в Праге, и нигде больше.

Хозяин заулыбался, подобрел. Нет, не разбойник. Хорошее пиво оценить способен только настоящий благородный пан.

– Сию минуту, пан рыцарь.

Когда хозяин вернулся, неся высокую глиняную кружку с выступающей шапкой пены, Первей уже держал в руке стопочку серебряных монет, явно превосходивших по стоимости заказанный ужин. Хозяин улыбался теперь совсем радушно.

– Скажите, почтенный пан хозяин, где тут у вас проживает некая Эльжбета Ковальска?

Улыбка хозяина стала напряжённой.

– Пан рыцарь знает её? Или у него до неё дело?

Первей тоже убавил доброжелательности в своей улыбке. Нельзя позволять любому корчмарю допрашивать себя, вредно для дела.

– У меня дело, – он подкинул на ладони монеты.

– Разумеется, пан рыцарь, не моего ума это дело, – хозяин наклонился к нему – но, если позволите... Она же колдунья, добрый пан, ведьма ужасной силы.

– Так-таки и ужасной?

– Да, пан рыцарь, да. Вот в позапрошлом годе пан мельник повздорил с ней, и что? На другую весну плотину у мельницы как корова языком слизала. А пан ксёндз? Уйди, грит, изыди, исчадие ада. Не позволю, грит, всякой нечисти осквернять храм божий. Ну и прогнал. Прямо на Пасху, представьте, пан рыцарь. А она только так взглянула, с полуоборота, да и пошла себе. Так что вы думаете? Той же осенью возвращался от моего стола, значит, домой, да поскользнулся и утоп в луже, прямо у врат храма Господня. Видать, не успел охранительную молитву прочесть. Утоп, и при том, заметьте, в тот день пан ксёндз изволили выкупать только одну баклагу горилки, ну полторы от силы. Колдовство, пан рыцарь, как есть колдовство.

Первей засмеялся в голос.

– Уважаемый, если выкупать полторы добрых баклаги здешнего огненного зелья, никакая магия не спасёт. У вас отличное пиво, хозяин, но пить здешнюю горилку... Она же насквозь проедает оловянную кружку!

Странно, но сомнительный комплимент расположил хозяина к посетителю ещё более, и он тоже добродушно захохотал.

– Так всё же, хозяин, где она живёт? – Первей вложил стопку монет в руку корчмаря – Время позднее, а мне хотелось бы выспаться и завтра встать пораньше. Приготовьте комнату, пожалуйста, и укажите, где живёт та страшная колдунья.

– Хорошо, добрый пан. Сташек, эй, Сташек! – позвал хозяин, и на зов явился малец лет двенадцати. – Проводи пана рыцаря до Эльжбеты. Да не лупай глазами, тебе в хату заходить необязательно, до ворот доведи и подожди.

* * *

– Вот тут, добрый пан, – мальчишка боязливо поёжился.

Первей рассматривал высокий, чуть покосившийся тын, сработанный из заострённых жердин, поставленных торчмя. Что там, за забором, угадать было невозможно. Конь всхрапнул, переступив ногами. Первей сосредоточился, прислушался к себе и понял: там, за забором, собака. Крупный пёс, и не лает – во дела...

Мальчишка всё жался, боязливо оглядывался. Здорово они всё-таки боятся этой самой Эльжбеты. Нет, тут дела погуще, нежели смытая весенним паводком гнилая плотина да утонувший в луже по пьянке поп. Ладно, разберёмся.

– Мне ждать пана?

Первей улыбнулся.

– Не надо, Сташек, дорогу назад я найду. Если меня не будет до завтрашнего полудня, идите и разбирайтесь. Но не раньше полудня, понятно? – мальчик торопливо закивал, – ну и хорошо. Так и скажи хозяину – не раньше полудня.

Первей ободряюще улыбнулся мальчишке.

– Да не трясись, я полагаю, ничего не случится. Со мной не случится. Иди домой и спи спокойно.

Сташек не заставил себя упрашивать – только пятки засверкали. Проводив его взглядом, рыцарь вздохнул и крепко, настойчиво постучал в калитку. И даже после этого пёс за забором не подал голос.

Негромко лязгнул засов. Калитка в заборе отворилась бесшумно, очевидно, петли были хорошо смазаны. Первей смело шагнул в открывшийся проход. Пёс, здоровенный пегий волкодав, пристроился сбоку, молча и пристально вглядываясь в пришельца и одновременно кон-

тролируя правую руку – необыкновенно умный пёс. Первей усмехнулся. Нет, пёс, тебе не по силам защитить свою хозяйку.

Хозяйка стояла, кутаясь в большой тёмный платок, на ногах – домашние выступки из некрашеной сыромятной кожи. Большие тёмные глаза в обрамлении иссиня-чёрных густых ресниц, тёмно-каштановые роскошные волосы спадают по плечам, высокая грудь, длинная сильная шея, гибкая талия – хороша... Так вот ты какая, пани Эльжбета, Эльжбета Ковальска, колдунья, сшившаяся Первею семь ночей подряд. Семь ночей! Сегодняшняя банда из восьми разбойников приснилась рыцарю лишь раз.

– Ну что, рыцарь, скажешь чего или дальше меня разглядывать будешь? – чуть улыбнувшись, спросила колдунья.

– Вечер добрый, пани Эльжбета, – Первей скупой улыбнулся в ответ. Их глаза встретились, и улыбки погасли разом, как свечи, задутые ветром. Пёс глухо зарычал. – Если он, разумеется, добрый... Вы позволите войти?

* * *

Длинная еловая лучина, заправленная в кованый железный светец над корытом с водой, потрескивала и дымила, угольки с шипением падали в воду. Сбоку и сзади прилёг на пол огромный пёс, очень правильно прилёг – так, чтобы держать незваного гостя под контролем. Хозяйка всё куталась в свой платок, неотрывно глядя на рыцаря. Колдуньи, как правило, умные женщины с очень развитым сверхъестественным чутьём, и пани Эльжбета не пыталась потчевать гостя и даже не задавала вопросов – она ждала.

Первей поморщился. Мерзко, как мерзко... Ну почему он? Глупый вопрос. А кто же?

Да, именно так ответил ему Голос тогда, много лет назад, когда юный гуляка, рубака и любитель жёницин впервые услышал его. Поначалу Первей подумал было, что сошёл с ума – мало ли что мешают в вино во всех этих придорожных харчевнях и корчмах! Он избил тогда хозяина корчмы, и никто не посмел возразить ему – так он был разъярен. Потом настал черёд докторов, затем...

А затем Первей сдался. Нет, не так – однажды утром, после очередного вещего сна, он вдруг понял – тот, прежний, беззаботный молодой человек кончился, и канула в пропасть прошлого прежняя жизнь. Теперь он Исполнитель. Почему он? А кто же?

С тех пор он идёт по свету, повинувшись внутреннему Голосу, и нет у него больше никаких желаний – только бы уснуть, не слыша этого проклятого Голоса, только бы...

Нет, неправда. Так было только поначалу, год, может быть, полтора. Поначалу Первей ещё пытался взбрыкивать: то напивался в слиз в придорожной корчме, то кидался в драку с городским патрулём, моля Господа, чтобы его убили, а один раз, доведённый до отчаяния, пытался зарезать себя кинжалом – бесполезно. Всё, чего ему удавалось добиться – усугубить свои мучения. И всякий раз – и когда он, пьяным ограбленный до нитки, отлёживался у сердобольной хозяйки, и когда валялся избитый в городской тюрьме, и когда раненого его выхаживали монахи (а тот булатный кинжал – цены нет! – и вовсе пропал, потерялся тогда) – всякий раз Голос тяжело вздыхал, сочувствующе и понимающе, и пытался утешить, бессменно присутствуя во снах Первея, как лучший друг, не отходящий от постели больного.

А потом Первей привык. Нет, опять не так: не привык – понял.

Надо отдать Голосу должное – он всегда был с Первеем честен, всегда предельно откровенен, иной раз до тошноты. Ни разу Голос не оставил без ответа вопросы рыцаря, заданные по делу. Без ответа оставался лишь главный вопрос – кто он?

Исполнитель. Исполнитель приговоров. Исполнитель приговоров суда, проще – палач. Какого суда? На этот вопрос всегда следовало молчание, и можно было ждать ответа день,

месяц, год... ответа нет и не будет. Сказать «Божьего суда» Первей не решился даже самому себе. И потом, разве Божий суд нуждается в исполнителях-палачах?

*Он давно забыл, что такое радость. Он не желал большие эсении, он стал безразличен к вину, и даже вкус еды для него стал неважен – поел, и ладно. И даже сон... Для простых людей сон – благо, убежище души, сон позволяет хотя на время отрешиться от всех тягот, горестей и мерзостей этого мира. Для Первея сон был лишь продолжением работы: во сне Голос объяснял ему очередную задачу, выслушивал вопросы и давал ответы, добиваясь, чтобы Исполнитель понял не только умом, но и душой очередной Приговор. Насколько это важно, Первей понял не сразу, только года через три до него дошло – если бы он хоть самую малость сомневался в справедливости Приговоров, он давно сошёл бы с ума. Что правда, то правда – Приговоры были справедливы **всегда**, ещё ни разу Первей не видел, чтобы Приговор падал на невиновного, либо чтобы тяжесть наказания не соответствовала тяжести злодеяний.*

Рыцарь довольно скоро понял, что безликий шелестящий голос, возникающий в его голове, судьёй не является – скорее секретарь суда, доводящий до судебного пристава суть Приговора, да разъясняющий порядок исполнения.

Да, Голос был безлик, но не бесстрастен. И чем дальше, тем более не бесстрастен. Голос вёл его, предупреждал об опасностях, подсказывал, где и как раздобыть деньги – ведь рыцарю надо было как-то жить, что-то есть и пить, где-то спать. Пару раз Голос даже подсказал, где лежит клад.

*Когда **это** случилось, вся прошлая жизнь отслоилась и отпала от Первея, как шелуха, и как-то само собой вышло так, что Голос постепенно из исполнительного секретаря суда стал его единственным собеседником, сейчас уже даже можно сказать – бесплотным другом. Голос знал его куда лучше покойной матушки, лучше него самого – он видел Первея насквозь. И при этом не осуждал его, не кормил нотациями и моралью. Голос принимал его таким, как есть, прямо заявив, что судить – не его дело. И так же прямо и откровенно Голос разъяснил Первею, **за что** ему выпала такая участь. И нечего было возразить.*

*Рыцарь вздохнул. Кто-то же должен делать грязную работу, и этот кто-то – он. Он **это** заслужил, и не вправе клянчить о снисхождении. Когда-нибудь, он надеялся, ему изменят его собственный Приговор, но когда... Ладно. Надо работать.*

– Пани Эльжбета, помните ли вы Одарку, что приходила к вам прошлой весной?

Пани Эльжбета вздрогнула, подняв глаза и впившись в Первея взглядом.

– Кто... Кто ты есть?

Первей чуть улыбнулся, и женщина сжалась. Пёс снова глухо зарычал, шерсть на загривке встала дыбом. Первей поморщился – уж собака-то была тут совершенно ни при чём. Он привычно сосредоточился, чувствуя, как по телу пробегает такая знакомая волна дрожи, и затем вроде как холодок... Всё.

Пёс лежал на боку, вывалив язык и закрыв глаза, и только лёгкое вздымание густой шерсти на боку свидетельствовало, что животное живо – просто спит.

Колдунья откинулась, глаза её расширились.

– Ты кто? – а руки-то как трясутся, тонкие длинные пальцы вцепились в край стола так, что ногти посинели...

Первей снова чуть улыбнулся, устало и сожаляющее.

– Кто я? Исполнитель.

Пани Эльжбета вскочила, сделала неловкое движение к двери и упала. Первей тоже встал, обошёл стол кругом, осторожно помог молодой женщине подняться.

– Не надо, пани. Убежать вам не удастся, уверяю.

– Ты не из святой инквизиции, и ты не из суда, нет... Кто ты?

Первей снова чуть улыбнулся, печально.

– Я же сказал.

Женщина облизала губы.

– Я не виновата. Я не виновата ни в чём!

– Виновата, пани Эльжбета.

– Одарка была дура, если бы я знала, что она такая дура...

– Да, это отчасти правда, несчастная не страдала избытком ума. А Кристина Пивень?

Колдунья тяжело дышала, с ужасом глядя на собеседника.

– А Анита Поплавска? Чудесней девушки не было во всей округе, так говорят все, кто её знал. За что вы её извели?

– При чём тут я? – женщина вскинулась – Её мачеха так и так извела бы, не мытьём, так катаньем!

– И вы помогли ей. И отравы-то какая чудесная – один крохотный флакончик, и бедная девушка начала сохнуть, чахнуть, и вот уже вместо свадьбы – похороны... А Олеся Никитиха?

– Да я-то тут при чём? – окончательно взъярилась пани Эльжбета. – Она сама не хотела...

– Неправда, она колебалась. Она очень сильно колебалась, она не хотела травить плод. Она умерла в муках, и виной этому – вы!

Колдунья сидела теперь в углу, сжавшись, как загнанный лесной зверёк.

– И это не всё. Одна весьма энергичная вдова, питая нежную страсть к молоденьким юношам, решила устроить своё семейное счастье при помощи ваших снадобий и заговоров. Юношу, страстно любившего одну девушку, напоили зельем и в бессознательном состоянии привезли сюда. Вы кое-что умеете, пани, признаю – после ваших трудов восемнадцатилетний парень таскался за сорокапятилетней вдовой, как телок за мамкой. Вот только семейное счастье той панны длилось недолго: брошенная девушка утопилась, а узнав об этом, несчастный парень преодолел заклятье, убил вдовушку и поджёг дом, где и сгорел сам. Итог – три трупа на вашей совести, ещё три.

– Этого никто не видел! Это невозможно доказать! Вы никогда не сможете это доказать!

Первей снова печально улыбнулся.

– Я не собираюсь ничего доказывать, я же не королевский прокурор. Я всего лишь Исполнитель.

Первей встал. Мерзко, как мерзко... А может, послушаться? Рубануть её с оттягом, или прямой удар мечом в солнечное сплетение... Или в горло...

Бесполезно. Он хорошо знал это – бесполезно пытаться изменить условия Приговора. Ничего толкового из этого не выйдет, и жертва умрёт куда жутче, и самому потом будет так худо, что и не передать...

– Раздевайся! – бросил он колдунье. В глазах молодой женщины мелькнуло удивление, сменившееся отчаянной надеждой. Она встала, сбросила с плеч платок, не торопясь развязала пояс – юбка упала на землю. За ней скользнула вышитая рубаха, и молодая женщина уже стояла перед ним, нагая, и высокие груди вздымались тяжело, целясь в него сосками. Колдунья уже улыбалась, дразняще-загадочно.

– Я готова испкупить свою вину, пан рыцарь, вы не пожалеете.

* * *

– А-ах, коханный мой...

Пани Эльжбета ворковала, страстно изгибаясь, стараясь разогреть пана рыцаря. Она действительно была очень хороша в постели, эта пани, вот только Первею было всё равно. Он огуливал её ровно и мощно, как бык корову – никаких ласк и поцелуев, тем более никаких нежных слов. Работа, такая работа.

Закончив, Первей встал и начал одеваться. Колдунья смотрела на него, притихнув – что-то почуяла?

– Не убивай меня... – вдруг хрипло попросила она.

Рыцарь промолчал. Обул сапоги, сел на лавку. Привычно сосредоточился, чувствуя, как по телу побежала дрожь.

– Спи!

Да, колдунья, даже вот такая самоучка – это вам не дубообразные лесные разбойники. Пани Эльжбета сопротивлялась гипнозу, выскальзывая, как угорь, и когда она всё-таки уснула, Первей сам готов был свалиться под лавку. Ну и денёк... Сперва разбойнички, теперь вот это дело... Всю ману сжёг, и когда ещё восстановишься теперь... И спать сейчас нельзя, вот проклятье!

Пани Эльжбета уже спала, дышала ровно и тихо, как ребёнок. Её веки чуть трепетали во сне, лицо разгладилось, и она выглядела удивительно красивой и какой-то невинной. Возможно, сейчас её ещё можно спасти, если как следует сделать спринцевание...

Когда рассвет забрезжил за окном, Первей встал и собрался выйти, не попрощавшись. Он уже открыл дверь...

– Спасибо тебе...

Колдунья смотрела на него, кутаясь в свой платок, брошенный на голое тело.

– За что?

– Ты не убил меня.

Первей улыбнулся горько. Как мерзко, как гадко на душе...

– Я убил тебя. У тебя, правда, есть выбор – ты можешь испробовать на себе те зелья, которыми спровадила на тот свет этих женщин, или, к примеру, утопиться, как та девушка. Ты вольна выбрать свою смерть, у тебя есть немало времени. Но ты можешь и просто ничего не делать. Ты знаешь, что такое внематочная беременность?

Глаза колдуньи остекленели от ужаса, но это только на несколько вздохов, а затем в них протаяла ненависть.

– Будь ты проклят...

Рыцарь молча вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Разумеется. Он проклят, давно и надолго.

А может быть, навсегда?

* * *

-... Нно, стоялые!

Возница вовсю понукал волов, но «стоялые» отнюдь не собирались торопиться. Животная мудрость подсказывала – пока солнце не начало клониться к закату, торопиться ни в коем случае нельзя, не то получишь на свой горб новую поклажу.

Неуклюжая сельская колымага-двуколка, с грубо сработанными колёсами, которые с некоторым натягом можно было признать круглыми, лениво ползла по разъезженной дороге, выющейся среди куцых полей и густых перелесков. Возница, вертлявый мужичонка в разбитых опорах и поношенной одежде с типичным для здешних мест именем Янек, был рад попутчику. Сразу видно, парень из бывалых, и меч при нём, и сапоги – боец... Не так уж спокойно нынче на дорогах, чтобы пренебрегать какой-никакой защитой. Да и разговор в дороге дело не последнее.

-... А ещё в наших краях знамение было – хвост огненный в небесах, во! Ну, народ и давай размышлять, к чему – к войне ли, к голоду или к морю великому. Войны, слава те Господи, в ту пору не случилось, и урожай вроде как ничего... А вот мор промеж скотины случился изрядный...

Первей, удобно устроившись поверх мешков с зерном, внимал болтовне возчика, в нужных местах кивал головой и цокал языком, изображая полное понимание и где-то даже сочувствие. Ну разумеется, знамение... Конечно, Господь создал небесное чудо, комету, исключительно для того, чтобы предупредить пару сотен деревенских олухов о том, что надо тщательнее ухаживать за скотиной, не то передохнет...

-... А здешний пан Якуб Брановецкий о ту пору женился на немке, из самого Бреславля. Высокая, худая, и нашего брата – что чеха, что поляка, что мазова со словаком – не любит крепко. Сам-то пан смолоду был ничего, вспылчив, да отходчив. Мужики вспоминают – бывало, рассердится, вспыхнет как порох, и ну всех подряд пороть. А то поскачет с челядью в местечко, жидов наловит да и устроит им суд вроде как. «Пошто, говорит, Христа распяли? Отвечайте, сволочи!». А что они ответят, скорняки да портные? Ну и велит им сечь друг друга во славу Господа нашего – сами, слышь, друг друга, вот потеха-то... А назавтра другой человек – улыбается, мол, не держите зла на шутку, и дарю вам недоимку, сапоги за то целуйте...

Первей слушал, кивая. В ту пору он ещё не перестал удивляться, насколько точно всё знает Голос Свыше, ведущий его. Всё так и было сообщено – буен, необуздан и самодур, но смолоду был лучший и порой совершал не совсем поганые поступки.

-... Это немка его испортила, Эльза та треклятая, – продолжал повествование Янек, ёрзая на сиденьи – затёк зад, очевидно... – Ну и пить стал без меры, это тоже... Причём, слыши-ка, что удумал: протянет верёвку поперёк дороги, слезай, приехали... Если благородный человек, тащит к себе в замок, пей-гуляй, пока пан не отпустит... Так-то соседи с ним и заться перестали – зарубит ещё во хмелю...

– А если простой мужик попадётся? – спросил Первей.

– Ну... тогда как Бог даст. Может, чарку нальёт да сплясать заставит, а то сапоги вылизать велит...

Рыцарь сочувственно поцокал языком.

– Нелегко вам живётся тут, как погляжу.

– А где мужику легко, добрый пан? Да мне-то ладно, я за монастырём приписан...

– А как панёнок у него? – внезапно переменял тему Первей.

Янек поперхнулся. Помолчав, осторожно спросил.

– Пан рыцарь знает молодого пана Зигфрида?

– Сам не знаю. Однако слава далеко идёт, – прищурился рыцарь.

Возчик оглянулся так, будто за ними по пятам рысила стая волков.

– Не к ночи будь помянут он, тот панёнок Зигфрид, да не обидится на меня пан рыцарь за такие слова. Не ангел папаша его, и мамаша ну чисто змея, да только оба они уже сыночка боятся вроде как. А ведь всего-то тринадцать годков... Мужики здешние крестятся да молятся по ночам – что-то будет, когда вырастет молодой панёнок...

Первей усмехнулся. Всё правильно, всё верно... Вероятно, молитвы местных поселян были таки услышаны.

И потому он здесь.

Дорога между тем углубилась в чащу, солнце, понемногу клонившееся к закату, скрылось за верхушками деревьев, и под лапами тёмных елей, подступающих к самой обочине, уже копился сумрак. Где-то заорал ворон, злоеище захохотала невидимая лесная птица. Возчик, придавленно втянув голову, замолк, и только негромкий скрип плохо смазанных колёс нарушал теперь настороженную тишину леса. Да уж, подумал Первей, только люди определённого склада могут жить в чаще ельника...

– Ну вот и замок, – вполголоса произнёс Янек, ещё сильнее втягивая голову в плечи.

Да, открывшееся взору строение могло с полным правом носить титул замка, а не просто укреплённой усадьбы. Четыре угловых башни под остроконечными свинцовыми кровлями

щерились узкими бойницами, в серых стенах ни одного наружного окна... Даже мост через худосочный лесной ручей, огибающий замок, был не простой, а подъёмный, на цепях, уходивших в недра коренастой надвратной башни. Должно быть, в памяти строителей этой обители ещё свежи были страшные дни монгольского нашествия. Во всяком случае, без артиллерии этот замок не так просто взять даже полку королевских кирасиров.

И над всем этим возвышался самый что ни на есть настоящий донжон. Тот самый, так явственно увиденный Первеем в своём вещем сне.

Подъёмный мост начал неспешно, со скрежетом опускаться, тяжело лёг на гранитный предмосток, звякнув цепями. Ворота, напротив, распахнулись на удивление бесшумно – вероятно, петли бронзовые, мельком подумал рыцарь. С лязгом поползла вверх решётка. Первей усмехнулся. Сразу видно, тут живут открытые и весёлые люди...

Повозка нырнула в низкий зев надвратной башни, как в глотку великана, и очутилась в узком ущелье внутреннего двора, выложенного каменными плитами.

– Тпррр, стоялые! – скомандовал возчик, натягивая вожжи и оглядываясь. Откуда-то из недр замка звучал бубен, нестройно ревели песню пьяные голоса – слова разобрать было невозможно.

– А, Янек... – к вознице подошёл седоусый коренастый человек. – Привёз?

– Ну неужто просто так приехал? – бледно улыбнулся Янек.

– А это кто? – человек, судя по манерам, не то дворецкий, не то ключник, разглядывал Первея, как разновидность груза.

– Попутчик... О, здравствуйте, высокородная пани! – возчик согнулся в пояском поклоне.

Высокая дама, затянутая в чёрное, стояла на пороге, разглядывая новоприбывших цепкими холодными глазами. Ходить в чёрном при живом муже...

– Здравия желаю, достопочтенная пани Брановецкая! – вежливо склонил голову рыцарь. – Позвольте представиться – Бронислав Яблонский, странствующий рыцарь, прежде состоявший на королевской службе.

Достопочтенная пани скользнула глазами по лицу и ногам рыцаря, и взгляд её чуть смягчился.

– Не думаю, что после Кракова или Варшавы вас вдохновит эта дыра, пан Яблонский, но тем не менее рада приветствовать гостя.

Дверь, явно ведущая в подвал, окованная ржавыми железными полосами, с лязгом распахнулась, являя дневному свету колоритную фигуру – одетый в роскошный, но порядком засаленный наряд могучий мужчина с оплывшим от пьянства лицом, заросшим неухоженной бородой.

– А-а, Янек, чтоб твою матушку черти в аду сношали без продыху! Привёз?

– Так есть, ясновельможный пан!

– А это кто? – ясновельможный пан перекатил мутные буркалы на рыцаря.

– Добрый день, пан Брановецкий. Моё имя Бронислав Яблонский...

– А-а, благородный пан рыцарь! – медведем взревел пан Брановецкий. – Рад приветствовать! Эй, Брашек, неси-ка серебряную чару пану рыцарю! Прошу к столу!

– У вас какой-то праздник? – вежливо улыбнулся Первей.

– А у меня всегда праздник! Это вот у неё, – тычок рукой в сторону супруги, – каждый день траур!

Ну что же, подумал Первей. Обычное дело, если у супруга каждый день праздник...

* * *

–... Ты мне понравился, пан Бронислав! Всё, решено – остаёшься в гостях! Нет, нет, и слушать ничего не хочу!

Пан Брановецкий обнял дорогого гостя, достаточно крепко, чтобы тот не ускользнул. Он был уже не просто пьян, а пьян до изумления. Первей повидал на своем не столь уж долгом веку немало подобных поклонников Бахуса, над которыми в силу ежедневной привычки хмель уже не имел полной силы. Даже адская смесь перцовки с пивом не лишила пана способности стоять на ногах... ну а мозгов он лишился, очевидно, гораздо раньше.

– А давай spoём, пан Якуб! – совершенно по-свойски и достаточно пьяным голосом заявил рыцарь, несколько ослабляя медвежьё хватку хозяина на своих плечах.

– А давай!

Первей затянул старую солдатскую песню, которую знали многие наёмники в здешних местах, где немецкая речь уже ходила почти наряду с польской. Гости пана Брановецкого, пяток безземельных и вконец спившихся шляхтичей, принялись подпевать, кто во что горазд, хозяин тоже ревел медведем – короче, веселье до краёв.

Обширное полуподвальное помещение являло собой картину если и не самой преисподней, то по крайней мере её преддверия. Дубовый стол, заваленный блюдами и объедками, лужа на полу, в которой валялся тамбурин, и радостно взвизгивающая его владелица, которую совершенно пьяный шляхтич вдохновенно щупал между ног – судя по его виду, на более решительные деяния он был уже не способен. Вся картина освещалась факелами на стенах и огнём очага, в котором горело кое-как засунутое бревно. Порядки у пана Брановецкого были строги – позади гостей сновал мальчик с кувшином, доливая вино сидевшим за столом так споро, что дно увидеть можно было только на мгновение. На тот случай, ежели гость в простоте душевной решал избежать чрезмерного винопития, выплёскивая вино под стол, там сидел второй юноша, ловко восполнявший потерю. Просто же отказаться поднимать чашу во здравие хозяина никто не решался – ибо никто не играет с огнём в пороховом погребе.

Впрочем, эту задачу Первей решил сравнительно легко. Малому с кувшином он сунул мелкую монетку, одновременно незаметно нащупав мошонку отрока и ласковым шёпотом пообещав ему навсегда решить проблемы с девицами, ежели он будет наливать ему неразбавленное вино. Со вторым виночерпием, обосновавшимся под столом, он поступил ещё проще – без лишнего шума поймал за нос крепкими пальцами, влил в судорожно раскрывшийся рот полную чашу, после чего сметливый мальчик больше не повторял попыток пополнить кубок рыцаря.

– М-молодец, Бронислав! Вина! Все пьют!

– Твоё здоровье, Якуб!

– Да, я тако-ой! – хозяин замка уже мотал головой не хуже вола, но сидел довольно прямо.

– А теперь нашу, польскую! – требовательно возвысил голос пан Якуб.

– А давай! – не стал спорить Первей.

Выбранная паном для исполнения песенка была столь похабной, что её постеснялись бы петь даже в самой грязной корчме, но по счастью сие творение оказалось рыцарю известно, и он старательно подпевал хозяину замка вместе с остальными гостями.

– Браво! – первым крикнул рыцарь, и гости подхватили, – Браво, браво!

– А ну, вина! Все пьют!

Далее последовала песня не то пиратов, не то просто разбойников – Впрочем, Первей не особо вникал. Сейчас главное, слить как можно больше вина под лавку.

– ... Знал бы ты, Бронтек, каку-у-ую змею-у-уку я пригред на гр-руди своей... – жарко дышал в самое ухо пан Брановецкий. Рыцарь сочувственно-пьяно кивал головой.

– Зато сын есть у тебя...

– Да... Сын... – пан Брановецкий враз как-то сник, и шум за столом стал утихать. – Сын, это да... Зигфрид, он... он...

Пан Якуб исподлбья оглядел притихших гостей налитым кровью взглядом.

– Вот скоро уже... подрастёт... и тогда – вот! – пан сжал пальцы в немалых размеров кулак. – Вот все где у него будут! И сам герцог... и... ик... король...

* * *

Вода в бочке была довольно затхлой, но рыцарь снова старательно напился и в очередной раз сунул в рот два пальца, прочищая желудок. Ну, пожалуй что и хватит...

Острый запах нашатыря ударил в нос, окончательно возвращая мозгам ясность. Вдохнув, Первей завинтил колпачок крохотного флакончика, спрятал его в карман и огляделся.

Глубокая безлунная ночь царила над замком, и если бы не скудный огонь, горевший в железной корзине на сторожевой площадке надвратной башни, вряд ли обычному человеку удалось бы разглядеть даже собственную руку, поднесённую к самому носу. Вдобавок с неба посыпался мелкий, занудный дождь – в точности так, как и предсказывал Голос Свыше. Ну что же... Дождь, это даже хорошо, дождь скрадывает негромкие звуки... Пора работать.

«Я готов. Что дальше?»

Недолгая пауза, и вот уже звучит в голове шелестящий бесплотный голос.

«Сперва собака»

Здоровенный кобель, звеневший цепью в углу, был зол – из-за этих гостей его держат на цепи, в то время как чужаки безнаказанно бродят по двору, пьяно рыгают и мочатся у стены... А, вот этот сейчас точно останется без штанов!

Первей сосредоточился, по телу пробежала волна дрожи, сменившаяся холодком. Пёс сдавленно закусил. Надо, пёсик, надо...

Когда кобель уронил голову на лапы и ровно задыхался, Первей сам едва перевёл дух. Рукавом утирая пот со лба. Да, в ту пору даже несложное колдовство давалось с таким трудом... Однако приём «спящая собака» он освоил едва ли не в числе первых. Иначе просто невозможно работать.

«С собакой всё»

«Возьми топор, он справа на колоде»

Небольшой аккуратный топор оказался в точности на том месте, где и указал Голос Свыше. Колода в темноте смутно белела перьями и пухом – очевидно, на этом месте повар обезглавил сегодня немалое количество безвинных кур и гусей.

«Сделай вид, что вернулся. Хлопни дверью, но внутрь не заходи»

Бормоча и невнятно напевая под нос, рыцарь побрёл назад, слегка пошатываясь. У самой двери он натянул на лицо чёрный платок, оставив открытыми только глаза, громко лязгнул дверью и тут же присел на корточки, совершенно растворившись во мраке дверного проёма. Стражи на башне проводили его беглым взглядом и отвернулись – эка невидаль, очередной гость пана, перебрав, просвежился возле лошадиной поилки и вернулся к столу...

«Теперь быстро!»

Рыцарь бесшумно метнулся вдоль стены и распластался по поверхности уже другой двери – той, что вела в донжон. Стражники беседовали о чём-то, вяло жестикулируя, и не заметили маневра. Теперь главное – не делать лишнего шума и резких движений. Первей хорошо знал, как трудно заметить неподвижную тёмную фигуру на фоне тёмного прямоугольника дверного проёма, когда перед носом у тебя горит яркое пламя.

Отмычка вошла в скважину, словно родной ключ. Замок оказался не слишком сложен, и спустя несколько мгновений рыцарь осторожно пошевелил дверь. Петли негромко скрипнули, словно предупреждая – не так это просто, чужак!

И в этот момент с шумом распахнулась дверь кухни. Сомневаться было уже некогда – Первей рывком приоткрыл створку двери и нырнул внутрь. Привалившись к стене, снова отёр пот со лба. Одно дело тлеющие головёшки на сторожевой площадке башни, и совсем другое факел во дворе – тут не поможет никакой чёрный платок...

«Вперёд и налево» – снова звучит в голове бесплотный голос. – «Там лестница»

... Он крался по тёмным переходам, как тать, и топор только подчёркивал сродство. Меч остался внизу, убаюкивать бдительность пана Брановецкого. В принципе Первей мог изловчиться и выйти с мечом, но Голос Свыше настоял на таком варианте. К тому же сегодня ему понадобится именно топор.

«Внимание, приготовься»

Цоканье когтей по каменному полу приближалось, и не нужно было иметь дар предвидения, чтобы сообразить – по следу рыцаря идёт собака. Ну или на данный момент собака, если быть абсолютно точным...

Чёрный как уголь пёс скалил зубы, казавшиеся в темноте неестественно-белыми, как будто светящимися призрачным фосфорическим светом. Ещё страшнее светились его глаза, налитые изнутри тлеющим адским огнём. И он молчал, что довольно необычно для собаки, встретившей ночью в родном доме чужого человека. Однако рыцарь очень хорошо понимал его, этого пса – не совсем пса, если быть точным... Им обоим сейчас менее всего нужен был лишний шум.

Зверь прыгнул вперёд молча и страшно, как чёрная молния, и в тот же момент рука человека послала навстречу топор. Собаки по природе своей заметно ловчее людей, и тренированному псу совсем несложно уклониться от несноровчивой летящей стали – это же не арбалетная стрела... Вот только Первей точно знал даже не то, что попадёт, но и куда именно.

Чёрный пёс рухнул на пол, скребя передними лапами, в то время как задние беспомощно волочились за непослушным телом. Ещё миг, и облик покалеченного зверя начал стремительно меняться – шерсть на голове потеряла угольную черноту, протаяла золотистым пятном, пальцы передних лап вытягивались на глазах, утрачивая когти...

Тяжело дыша, рыцарь смотрел на хрупкого белокурого отрока, бессильно царапающего ногтями каменные плиты пола. Между лопаток проступала бурая сукровица – хребёт перебит... Ничего не осталось от прежнего звериного облика. Вот разве только глаза.

– Чего смотришь, сволочь... – прошипел подросток, сверля своего победителя взглядом. – Добей!

«Всё, уходи» – шелестит в голове бесплотный голос.

Не сводя взгляда с покалеченного оборотня, Первей сделал назад шаг, другой...

– Добей... слышишь... – отрок смотрел теперь иначе... можно поклясться чем угодно – оборотень смотрел с мольбой! – Добей... будь человеком...

И внезапно Первей решился. Шагнул вперёд, коротко взмахнул топором...

Дикая боль пронзила внутренности, сменившись ужасной рвотой. Наверное, так чувствуют себя казнимые, которых вынуждают выпить уксусную эссенцию, мелькнула в голове мимолётная мысль... или серную кислоту?

«Кто. Тебе. Велел?!» – шелестящие бесплотные слова впечатываются в мозг поодиночке, подобно раскалённому тавру.

«Я сделал... я убил исчадие ада...»

«Ты идиот! Ты убил будущего учёного, опередившего бы своё время на сотни лет!»

«Зато... я ... человек...» – теперь Первей хрипел и царапал камень ногтями, в точности так, как полминуты назад это делал убитый оборотень. – «Нельзя... его было... оставлять... так... это... бесчеловечно...»

Боль наконец утихла, сменившись страшной тоской и пустотой.

«Вставай... рыцарь. У нас мало времени, нужно уходить»

Привычка подчиняться указаниям Голоса всё-таки подняла его с пола. А зачем, мелькнула в голове пустая, отрешённая мысль... Сейчас прибежут люди с мечами и алебардами, и всё будет кончено... он освободится от этой ужасной пытки, которую дураки называют словом «жизнь»...

«Твой долг громаден, и сейчас он ещё вырос! Если ты сейчас сойдёшь с круга... да двигайся же, наконец!!!»

** * **

Ёж оказался большим и жирным – не фазан, конечно, но после ужей и лягушек настоящий деликатес... Первей сглотнул слюну, обозревая пиришественный стол, развёрнутый на листах мать-и-мачехи, заменявших по мере сил скатерть вкупе со столовым сервизом. Горка малины, горка смородины, дикие груши и два десятка белых грибов, насаженных на чуть обуглившиеся веточки – неплохо, совсем неплохо...

Самым трудным оказался первый день – собственно, даже не день, а ночь. Умение видеть в темноте сослужило рыцарю неплохую службу, но всё равно одолеть без отдыха почти шестьдесят вёрст – тяжкое испытание даже для идущего налегке бывшего солдата... Иначе было нельзя, утверждал Голос Свыше, и оказался как всегда прав – только за Одрой погоня с собаками потеряла след... Дальше стало проще. Отоспавшись в каком-то бураке под выворотнем, любезно указанным в качестве места для отдыха всё тем же Голосом, Первей двинулся к чешской границе, передвигаясь в стороне от торных дорог и только в темное время, благо ночи на излёте августа были уже достаточно долгими.

«... вот так, рыцарь. Если бы не твоя глупость, всё было бы иначе. Увечье изменило бы его, и вместо сатанистских опытов с превращением в вервольфа и прочих подобных он занялся бы настоящим делом. Сперва ища спасение от своего недуга, а потом уже просто...»

«Не могу поверить, что дьявол может стать ангелом»

«Он не был дьяволом, и не стал бы ангелом. Он стал бы просто человеком. Великим человеком. Он стал бы великим и будучи здоров, но это было бы совсем иное величие – холодное и страшное, сродни величию Тамерлана»

Первей хмуро молчал.

«Ты проявил человечность, рыцарь, и это смягчает твою вину. Но ты проявил её не там и не так. Он ушёл с большим долгом. Избавив его от сиюминутной боли, которую этот Зигфрид вполне заслужил, и страданий неподвижности, судить о заслуженности которых не мне и тем более не тебе, ты обрёк его на страдания в следующем круге, и, возможно, более тяжкие. Я уж не говорю о многих тысячах больных, которые могли встать на ноги благодаря этому человеку. Благими намерениями обычно мостятся дороги в ад, особенно когда намерения эти не подкреплены хоть какой-то работой ума»

Теперь Первей смотрел в землю.

«Я не гожусь для этого. Я предупреждал, я не могу...»

«А вот это уже решать не тебе и не мне, что мы можем и на что годимся. Но мы должны попытаться»

«Мы?» – Первей перевернул в костре обмазанного глиной ежа, поворошил угли.

Ответа не последовало, и по опыту прежних бесед рыцарь понял – его не будет. Голос на то и Голос, что говорит только необходимое для понимания сути дела...

Да, в ту пору это было именно так.

** * **

Первей мотнул головой, отгоняя воспоминания, и остановился, как вкопанный, созерцая ворота корчмы. Да уж... Как там гласит народная мудрость насчёт барана и новых ворот? Ещё немного, и результат будет достигнут – только в отличие от четвероногих баранов бывший пан рыцарь будет всё время улыбаться...

** * **

– Я вижу, пан рыцарь провёл неплохую ночь. Должно быть, пани Эльжбета и вправду не так ужасна? – хозяин корчмы улыбался озорно-добродушно. – Только гроши пана рыцаря я

не верну, не обессудьте. Комната простояла в ожидании всю ночь, хотя в корчме полно постояльцев.

– Пустяки – Первей улыбнулся – И вы правы: пани Эльжбета вовсе не так ужасна. Только теперь это уже не имеет никакого значения.

* * *

... Конь шёл ровным, скользящим шагом, буквально баюкая седока. Более того, Первею порой казалось, что Гнедко сам знает, куда везти своего хозяина. Золото, а не конь. Первей усмехнулся, вспоминая. Подумать только, такой конь – и достался ему за бесценок. Практически даром. А всё Голос...

* * *

– Спасибо, любезный. Дальше я пешиком пройдуся. Удачи!

– Вам удачи, добрый пан!

Получив серебряную монетку, возчик хлестнул пегую кобылу, и телега, гружёная горшками и каким-то ещё немудрёным сельским товаром, покатила дальше, оставив Первея на пыльной улице местечка, которое всеведущий Голос назвал Гусеницы, хотя, по мнению рыцаря, какое-либо название для подобных дыр вообще непозволительная роскошь. Он оглядел сонную улочку, выющуюся меж плетней и частоколов, с вырытой от души сточной канавой, большие смахивающей на небольшой овраг. М-да... Если и есть в таких местах признаки жизни, то только вокруг корчмы – куда, собственно, и надлежало направить свои стопы Исполнителю. Причём немедленно, судя по положению солнца. Голос, он врать не будет...

Признаки жизни возле корчмы имелись. Ещё издали Первей увидел небольшую толпу, явно привлечённые каким-то зрелищем. И лишь подойдя ближе, в который раз подивился – надо же, до чего точен Голос... Ну вот и цель его путешествия в это забытое Богом местечко.

...Убью проклятую тварь! У-у, поганая кляча!

Пьяный водовоз нещадно бил коня, запряжённого в ослизлую бочку, каким-то суковатым дрючком, от которого на теле коня оставались кровавые следы. Конь, похожий на скелет, уже даже не пытался лягаться – силы кончились. Первей увидел его глаза и содрогнулся – так велико было в них желание, чтобы наконец всё кончилось. Жажда смерти.

Первей разглядывал мужичка с брезгливым любопытством. Подумать только, и на это вот насекомое – отдельный Приговор... Ладно.

– Почтенный, сколько стоит ваш конь? – услышал он свой голос как бы со стороны.

Водовоз опустил свой дрючок, отдыхаясь.

– Так это... пан, не знаю как вас... добрый коник-то, самому надоть...

– Я спросил – сколько?

Зеваки затаили дыхание. Вот интересно, как такие тупые, бессмысленные люди, всю свою сознательную жизнь ошивающиеся возле кабака, чувствуют интересные события? Печёнкой, или задницей, или чем ещё? Мозгами – так это вряд ли, какие у этих мозги, со всех разом на одну порцию с горошком не наберётся...

Возница оперся на дрючок, наморщил лоб, изображая усилие мысли.

– Так что, два злотых, и забирайте.

Зеваки загомонили. Два золотых за такую заморенную клячу – неслыханно!

– А ты не подавишься? – насмешливо поинтересовался Первей.

Возница хитро прищурился.

– Так ить я не настаиваю. Самому надобен конь-то, не хотите, как хотите. Два злотых будет самая правильная цена.

Первей достал деньги. Глаза водовоза расширились, ловя маслянистый блеск золота.
– Держи.

Кадык ходил ходуном, но пьяница смог взять себя в руки.

– *Я передумал, добрый пан. Четыре. Четыре золотых, и забирайте прямо тут.*

В толпе возник ропот, послышались возгласы возмущения. Первей не повёл ухом, достал ещё два золотых.

– *Теперь ты точно подавишься.*

Он кинул монеты водовозу, и мужичонка, не поймав их на лету, принялся алчно выхватывать золото из дорожной пыли. Первей между тем молча выпряг гнедого из водовозной бочки, взглянул в лиловый глаз коня, успокаивающе, легонько похлопал по телу – атласная кожа со следами недавних побоев отозвалась крупной дрожью. И вдруг конь, словно почуяв избавление от ежечасной муки, мягко ткнулся губами в руку Первея и тихонько, благодарно заржал.

– *Э-эй, пан, не знаю, как вас... Так дело не делается. Десять. Десять золотых стоит коник-то...*

Первей чуть взглянул, искоса.

– *Ну зачем тебе десять золотых, дурак? Ты и один-то пропить не сумеешь.*

– *Я? Не сумею?! Пропить?! – похоже, Первей ущемил самое дорогое в душе пьянчуги.*

– *Пошёл вон, быдло!!! – рывкнул на него рыцарь, не желая более сдерживаться.*

Мужичок, похоже, смекнул, что далее лезть на рожон не стоит. В конце концов, четыре золотых деньги весьма и весьма немалые, да что там – целое состояние для такой дыры. Махнув рукой, бывший водовоз устремился в корчму. За ним тут же гурьбой потянулись любители халявной выпивки.

Первей между тем внимательно осмотрел коня. Несмотря на крайнюю истощённость, в коне отчётливо просматривалась родовая стать – высокие, сухие бабки, широкая мускулистая грудь, лебединый изгиб шеи.

– *Ничего, ничего, Гнедко, – шептал Первей имя, само легшее на ум, – мы с тобой ещё – ух!..*

Он скормил коню весь каравай хлеба, и зашёл в корчму, чтобы купить ещё. Мужичок, продавший ему коня, уже сидел в окружении кувшинов и баклаг, стуча кулаком по столу, что-то вещал добровольным зрителям, готовым внимать любому бреду до тех пор, покуда на столе есть хоть капля вина.

Первей привычно сосредоточился, по телу пробежала волна дрожи, сменившаяся вроде как холодком... Всё.

Бывший водовоз поперхнулся вином, закашлялся. Кто-то из доброхотов похлопал его по спине, но это не помогло – похоже, мужичок подавился надёжно. Он хрипел, судорожно пытаясь протолкнуть в лёгкие хоть толику воздуха – бесполезно. Синеющими на глазах пальцами он ещё царапал столешницу, но в расширенных нестерпимой мукой зрачках уже плавало понимание – это всё. Конец жизни.

Первей повернулся спиной к валяющемуся под стол бездыханному, хотя ещё и живому телу, и невозмутимо спросил у хозяина шесть больших караваев хлеба. Нет, восемь – ему надо как следует накормить коня. Хозяин только взглянул ему в глаза, и больше не издал ни звука. За спиной рыцаря сутились какие-то люди, пытаясь извлечь из-под лавки неудобно застрявший свежееиспечённый труп, а Первей невозмутимо отсчитывал мелкие монеты, и рука хозяина, принимавшая деньги, сильно дрожала.

* * *

Конь негромко заржал, и рыцарь встряхнулся в седле, возвращаясь из воспоминаний в реальность. Дорога уже не была безлюдной, навстречу проскакали трое всадников, вдалеке полз немалых размеров обоз. Дальше тянулись домишки предместий, по мере приближения к

городским стенам лепившиеся друг к другу всё плотнее. А за приземистыми стенами в гуще зелени виднелись строения славного города Киева, и над всем этим медленно, тягуче плыл далёкий колокольный звон.

И уже на самом горизонте синела бескрайняя полоса неба, опрокинутого на землю – великая река Днепр...

Первей почмокал, и Гнедко послушно ускорил шаг. В ближайшие дни в этом славном городе у хозяина будет масса работы.

* * *

– ... Право, я и не знаю, что ответить тебе, батюшка... Бедно мы живём, сам видишь.

Старушка была явно искренне расстроена. Действительно, бедность тут виднелась во всём – низенькая белёная хатка, крытая потемневшей соломой, заметно обветшавший плетень с незатейливой калиткой, одежда хозяйки из домотканого некрашеного полотна и явно самодельные лапти...

– Неужто закуток для гостя не найдётся? – улыбнулся Первей как можно более мягко. – Да и Гнедко коровку вашу не стеснит, он парень смирный.

– Так нету коровушки у нас, батюшка, коза только...

– Ну тем более!

– Ну коли так, поклон гостю, – ответно улыбнулась бабуля, светлея лицом. – А как Федот Евграфыч у Клавдии поживает, поясница не мучит более? – спросила, пропуская гостя в хату.

Рыцарь не сдержал улыбку. Надо же, проверяет его бабуля. Всё правильно, всё верно – в нынешние лихие времена осторожность прежде всего... Мало ли что назвался он знакомым свояченицы бабушки Аграфены, Клавдии... Откуда ей знать, бабушке Аграфене, что Голос Свыше может сообщить Первею не только приметы, но и где именно и как болит у мужа свояченицы.

– Да вроде не жаловался он на поясницу-то. Вот с гузном нелады у него, это да. К тому же не Федот он вроде как, а Фёдор, да не Евграфыч, а Евстигнейч.

Хозяйка окончательно смутилась.

– Ну, давай ино коня-то твоего напоим-накормим, Первей... прости, как по-батюшке-то, не упомянула...

– Северинович, – вновь улыбнулся рыцарь.

– То-то я и вижу – из коренных русичей ты ликом, даром что платье немецкое.

Хлопнула калитка, и во двор не вошла даже, а влетела босоногая девушка с пустой корзиной.

– Ой, бабуля, глянь, сколько выручила... Здравсьте, господин! – смутилась она, обнаружив гостя.

– Здравствуй, Мария, – улыбнулся ей рыцарь.

– Как знаешь её, батюшка? – удивилась старушка.

– Так Клавдия ваша и упоминала, – теперь Первей улыбался совершенно бесхитростно.

Мария, смутившись окончательно, проскользнула в хату. Рыцарь проводил её взглядом. Ну вот и первое действующее лицо в деле, ради которого он прибыл в сей город. Ниточка от клубка... А впрочем, обо всех этих тонкостях пусть думает Голос. Он всего лишь Исполнитель.

* * *

– ... Это ж надо, чего на белом свете делается, тц-тц-тц!

Солнце било в единственное оконце о девяти стёклышках, судя по виду и размеру, бывших некогда частями довольно крупной посуды. Бабушка Аграфена, Мария и Первей сидели

за чисто выскобленным столом, уставленным глиняной и деревянной посудой с немудрёным угощением, причём рыцарь, как и положено вежливому гостю, развлекал хозяек разнообразными новостями из внешнего мира. Бабушка ахала, внучка блестела глазами – вот, оказывается, сколько всякого интересного происходит среди людей...

Стукнула калитка, грузные, уверенные шаги протопали по двору. Собаку бабушка и внучка не могли себе позволить ввиду крайней бедности – самим бы с голоду не помереть... Ага, похоже, тот самый гость пожаловал... Давно пора!

Четверо мужиков ввалились в хату, не снимая шапок.

– Здорово, бабка Аграфена! – зычно произнёс тот, который впереди, самый представительный, перепопоясанный шёлковым кушаком. Бабушка и внучка разом сникли.

– Здравствуй, батюшка Еремей Глебыч... – старушка старалась, чтобы голос не дрожал, но получалось у неё плохо.

– Догадываешься, за каким делом пожаловал? – толстяк оглядел горницу и важно, без приглашения сел на лавку. – Должок за тобой, бабка, и за Марией тоже. Все сроки вышли.

– Нет у нас сейчас, Еремей Глебыч...

– Ну, на нет и суд есть, – переиначил поговорку толстяк. Повозившись, достал из-за пазухи свиток плотной бумаги, развернул. – Читай, коли грамотная.

Аграфена Лукинична дальнотерко всматривалась в грамоту, шевеля губами. Внезапно ойкнула и побледнела, как полотно.

– Кабальная запись... да что же это... ведь не было такого уговора, Еремей Глебыч!

– Раз бумага есть, то и уговор тож. Твоя закорючка внизу стоит?

– Не было такого! Ты сам туда вписал опосля!

– А ты докажь! – возвысил голос Еремей. – У меня эвон, послухи есть! ¹ Так что собирай свою девку, у меня в дому жить станет. Ну а ты тут пока обретайся, вплоть до моего распоряжения. Вот так-то, Аграфена!

– Лукинична, – негромко подсказал Первей, чуть улыбаясь.

– А это кто ещё? – воззрился на него ростовщик, будто только заметил. Рыцарь вздохнул, медленно встал, взял с лавки меч в ножнах, привычно перекинул за спину.

– Думаю, мы сейчас всё это дело уладим. Ведь так, Еремей Глебыч?

Взгляды встретились, и Первей привычно **вошёл** в разум ростовщика.

– Не слышу ответа!

– Да... – твёрдым, вполне даже естественным голосом ответил Еремей.

– Ну вот... Однако, думаю, уладим мы всё это не здесь. Айда к тебе на двор, Еремей Глебыч, там и рассчитаемся. Аграфена Лукинична, зови-ка соседей – эти послухи от Еремея Глебыча, у тебя же свои должны быть, для надёжности.

– А Мария? – хлопая глазами, ошарашено спросила бабуля. – Она как же?

– Ну и Марию с собой возьми, – чуть улыбнулся рыцарь. – В таком деле каждая пара глаз не лишняя. Всё должно быть честно.

* * *

–... Вот это долг, это рост на него, а это вот пеня. Считай, Еремей Глебыч.

Ростовщик принялся считать, зрители же, довольно многочисленные, затаив дыхание следили за процессом. Что ни говори, а созерцание достаточно крупной суммы всегда занятие волнительное, будоражащее кровь и воображение. Впрочем, изначальная сумма долга бабки Аграфены была невелика, однако не шла ни в какое сравнение с суммой начисленных процентов и особенно пени за просрочку уплаты долга.

¹ «Послух» – др. рус. «свидетель» Прим. авт.

– Всё так? – чуть улыбаясь, спросил рыцарь.

– Всё так, – твёрдым, ровным голосом подтвердил Еремей. Чуть более ровным и твёрдым, нежели обычно... а впрочем, вряд ли кто-то заметит.

– Неси свои грамоты. Да все неси, какие есть, чтобы без утайки! – потребовал рыцарь, по-прежнему чуть улыбаясь.

– Хорошо, – по-прежнему ровно ответил ростовщик, поднимаясь.

Грамот оказалось много.

– Так, это не наше и это не наше... – рыцарь бегло просматривал документы. – А вот это наше! Ну а теперь составим документ об уплате долга.

Когда все формальности были соблюдены, рыцарь протянул старухе два свитка.

– Вот эту бумагу храни, Аграфена Лукинична. А вот эту в печку. Не перепутай!

– Храни тебя Бог... – бабуля смотрела на него ясно и прямо, и Первей подумал мимо-лётно – верно, в пору молодости от парней отбоя не было у Аграфены свет Лукинишны... – Храни тебя Бог... – и вдруг бабушка беззвучно заплакала.

– Ну, айда домой, хозяйюшки! – поднялся рыцарь. – И тебе крепкого здоровья, Еремей Глебыч. Прощай!

– Прощай... – в тон откликнулся ростовщик, как эхо.

Всю обратную дорогу бабушка и внучка молчали, и Первей был очень признателен им за это. Утомительно выслушивать долгие благодарности, особенно одобренные женскими слезами.

И только после ужина, когда бабушка и внучка улеглись спать за пёстрой полинялой занавеской, он достал из-за пазухи плотно сложенный квадратик бумаги и развернул. Вчитался в мелкие, плотно уложенные строчки в неверном пляшущем свете лучины, усмехнулся. Бумажка, конечно, выглядела несолидно по сравнению с кабальной записью, украшенной печатью. Однако вне всякого сомнения, уже очнувшийся от наведённого морока Еремей Глебыч отдал бы сейчас всё своё имущество не колеблясь вот за эту писульку. Имущество, кстати, у него всё одно опишут, когда бумажка пойдёт в ход...

– Первей Северинович...

Рыцарь поднял глаза от бумаги. Мария стояла перед ним нагая, с распущенными волосами. Хороша, отстранённо подумал Первей, пристально разглядывая юное тело, по которому гуляли красноватые блики огня. Ох, хороша...

– Не обижай меня, Мариша. К тому же женатый я.

Девушка вдруг шагнула к нему, взяла руку, прижала к левой груди, под которой гулко билось сердце.

– Мне нечего больше дать тебе, Первей Северинович. За себя и за бабушку.

– Я не возьму, Мария, – тихо, серьёзно ответил рыцарь. – Я от чистого сердца помог вам.

– Тогда нам остаётся только молиться за тебя... – очень тихо сказала девушка, отпуская его руку.

– Молитесь, – столь же негромко, совершенно серьёзно сказал Первей. – Мне это очень нужно.

Когда Мария ушла так же неслышно, как и явилась, он лёг на лавку, застеленную овчиной, и усмехнулся. Конечно, чистое сердце, и опять же благородный поступок... И вовсе не обязательно знать бабушке и внучке, что в основе всего представления лежит вот этот листок бумаги. Кстати, Первей так и не понял до конца, отчего нельзя было повернуть всё тихо, без лишних свидетелей. Да и не особо вникал, если честно – это дело Голоса Свыше...

«Потому что иначе у господина прокурора возникнут серьёзные подозрения насчёт тебя и этой бумаги» – звучит в голове бесплотный голос – «И назваться чужим именем на этот раз тоже было нельзя, проверят. Всё должно выглядеть достоверно»

«Тебе видней. Что дальше?»

«Завтра утром вручишь её господину королевскому прокурору. Лично, поскольку городской голова кум этому ростовщику. И обязательно утром, чтобы этот Еремей не успел хватиться пропажи»

«Как именно вручить?»

«Запоминай...»

Лёжа с закрытыми глазами, Первей слушал и слушал шелестящий бесплотный голос.

«...Вопросы есть?»

«Вопросов пока нет. Устал сегодня чего-то, хотя всего и делов было...»

«Завтра, всё завтра! Спокойной ночи»

* * *

В приёмной королевского прокурора было душно и жарко, одинокая муха осатанело билась в зеленоватые неровные стёкла окошка.

– Простите, могу я видеть ясновельможного пана прокурора?

Секретарь окинул взглядом посетителя, по виду мелкопоместного шляхтича, или странствующего рыцаря. А может, и русский дворянин, кто их разберёт теперь... В любом случае, подобный посетитель вполне может обождать.

– Тут очередь, и приём с десяти, – кивнув на сидящих челобитчиков, обливающихся потом на лавках, секретарь снова взялся за перо. Первей мягко придержал его руку. Ошеломлённый подобным нахальством чиновник вскинул глаза, и встретился взглядом с рыцарем.

– И тем не менее, – негромко, но внятно произнёс Первей.

Ни слова не говоря более, секретарь юркнул за обширную дверь морёного дуба и через минуту возник вновь.

– У вас есть пять минут, пан...

– Спасибо, – вежливо кивнул секретарю рыцарь, не утруждая себя титулованием. Незачем.

В отличие от приёмной, в кабинете пана прокурора было прохладно, гулял ветерок и приятно пахло молодыми яблоками.

– Представьтесь, пожалуйста, молодой человек, – хозяин кабинета сидел в расстёгнутом сюртуке, перед ним высилась кipa бумаг самого разного размера и вида. – Что привело вас сюда?

– Моё имя Первей Северинович, ясновельможный пан прокурор, – учтиво поклонился рыцарь. – В Киеве я по своим личным делам, сюда же меня привело одно очень странное обстоятельство...

Он изложил дело коротко и сжато – ровно столько, чтобы стала понятна суть. Приняв участие в судьбе несчастной девушки, пан рыцарь выкупил её долговые обязательства у злого и бессердечного ростовщика, намеревавшегося погубить бедняжку и её бабушку (в присутствии свидетелей, всё честь по чести), и среди полученных бумаг затесалась (ясное дело, совершенно случайно) одна посторонняя записка...

–... Эта случайно оказавшаяся у меня бумага показалась мне настолько странной, что я имел смелость побеспокоить вас.

По мере того, как пан королевский прокурор вникал в суть документа, лицо его меняло цвет – белый, пунцовый, слегка зеленоватый...

– Благодарю вас, пан Первей... Северинович. Вы совершенно правильно обратились прямо ко мне...

* * *

– ... Ой, что делалось-то тама, что делалось! Собакой выл Еремей-то, пока волокли до возка!

Соседка честно старалась приглушить голос, сообщая важные новости, но возбуждение брало верх, и бормотание из сеней отчётливо доносилось сквозь закрытые двери. Первей усмехнулся. Как будто могло быть иначе. От судьбы не уйдёшь...

Тем более, когда судьбу эту тебе приносит в руке Исполнитель.

Ещё раз оглядев небогатые пожитки, рыцарь принялся аккуратно укладывать всё в дорожные мешки.

– Уходишь...

Мария стояла, прислоняясь к печке, сцепив пальцы рук в замок.

– Пора мне, – чуть улыбнулся Первей. Уложив последнюю вещь, затянул кожаную тесёмку горловины.

– Скажи... нельзя было их иначе? – внезапно спросила девушка. – У них Станька больной...

Первей внимательно ей посмотрел в лицо. М-да... До чего проницательные девки живут во славном граде Киеве, просто ужас...

– Он сам всё сделал, Мариша. Сам устроил себе судьбину. Я только помог... немного.

* * *

Дорога шла по опушке, дававшей поутру спасительную тень, но сейчас солнце поднялось уже достаточно высоко, и ощутимо жгло спину. Первей чуть усмехнулся. Дорога, опять дорога... Вся его жизнь – вязь дорог, без конца и края.

«А кто-то всю жизнь сидит в своей берлоге, не повидав в этой жизни ничего, кроме родного курятника и огорода» – вливается в мозг шелестящий бесплотный голос.

«Всё хорошо в меру... Слушай, эта девица задала прямой и честный вопрос. Сын за отца не ответчик»

«Когда как... Но сейчас он ответит только за себя»

«Он ничего не сделал, этот Станька...»

«Во-первых, сделал, и во-вторых, ещё больше замышлял»

Первей только кивнул, принимая к сведению. Всё правильно, всё верно. Не ему рассматривать меру вины, а равно и наказания. А уж после того случая, когда Приговор пал на никчемного возчика...

«Ты полагаешь, что здесь решилась судьба этого ростовщика, и по совместительству предателя. А если я скажу, что вчера решилась судьба десятков тысяч людей? Жителей Подолии, которые не попадут в плен и не погибнут под татарскими саблями. А также самих татар, которых теперь встретят свинцом и железом»

Первей только головой покрутил.

«Нет, не привыкнуть мне к таким масштабам. Давай уже просто – ты говоришь, кого именно, а я режу»

Шелестящий бесплотный смех.

«Договорились. И всё же боевой магией тебе придётся заняться всерьёз, а не на уровне фокусов»

Первей вздохнул. Это правда. Вот и на этот раз не обошлось без ворожбы... Надо заниматься.

Когда *это* началось, Первей не сразу осознал свою силу, хотя Голос уже прямо намекал ему, что отныне его сила не только и не столько в руках, ногах и умелом мече. Главная сила – в голове, и надо только научиться ей пользоваться. Как? Не надо нервничать, Голос подскажет.

Повинуясь указаниям Голоса, на исходе дня Первей забрался в укромный уголок. Место было до того хорошо, что ни в сказке сказать, ни пером описать – опушка берёзовой рощи, и на самом краю могучая, многовековая сосна, каких теперь уже не сыщешь по всей Ржечи Посполитой. А перед восторженным взором рыцаря открывался бескрайний окоём, наполненный воздушной неги и какой-то невероятной успокаивающей силы – впрочем, всё в этом месте, казалось, было наполнено этой мягкой, древней, спокойной силой.

Повинуясь Голосу, Первей разделся догола и сел на мягкую траву, перемешанную с хвоей, толстым слоем покрывавшую землю под древней сосной. Он сел, скрестив ноги по-турецки, поставив развёрнутые ладони и всего себя под потоки солнечного света. Он сидел, ни о чём не думая, и ему казалось, что солнечные лучи пронизывают его насквозь, собираясь в области солнечного сплетения в некий огненный сгусток, наливающийся невиданной силой. Сгусток начал расширяться, затопляя его всего, проникая в голову... Взрыв! Первей вздрогнул и открыл глаза, в которых плавала призрачная зелень. Как будто в голове взорвался бочонок с порохом, ей-богу...

– Эй, малый, так-то тебе своих вишей не выжарить, однако.

Сзади послышался грубый смех. Первей обернулся – трое великовозрастных лоботрясов покатывались со смеху, глаза на голого дурачка, сидящего нараскоряку под деревом. Рыцарю вдруг пришла в голову мысль – вот и случай проверить, правда ли...

Он неумело сосредоточился, как учил Голос, добиваясь, чтобы по телу прошла волна дрожи, сменившаяся как бы холодком...

– А ну, ребята, давай-ка пописаем. Быстро, быстро!

Трое лоботрясов ещё пытались судорожно распушить гашники, но момент был упущен – холищовые штанины наливались тёмной мокретью. Глаза деревенских олухов выражали сильный испуг.

– А ну, бегом! И до хаты не останавливаться!

Когда топот ног затих вдали, Первей встал и начал не торопясь одеваться.

«Ты не должен расходовать свою ману так бестолково» – сухо напомнил Голос.

«Кого?»

«Ману, свою магическую силу. Её у тебя пока что кот наплакал, и она нужна тебе для другого. Я понимаю, ты должен был опробовать своё новое умение, но далее тебе всё-таки лучше беречь ману для серьёзных дел»

Рыцарь закончил натягивать сапоги, распрямился.

«Договорились. Всё будет так, как ты захочешь, дорогая»

И тогда Голос впервые за время их знакомства засмеялся, шелестящим бесплотным смехом.

«Хорошо, милый»

Да, точно, так и ответил. Шутка, это была такая шутка...

* * *

Дорога снова нырнула в лес. Лес был молодой, густой, как щётка, очевидно, выросший на месте заброшенных полей. Давно уже заброшенных – деревца вымахали высокие, толщиной в руку взрослого мужчины. Многие деревца уже погибли, не выдержав конкуренции со своими собратьями, наполняя лесок густым сухостоем, то и дело дорогу перегораживали лежащие поперёк жердины, и Гнедко, возмущённо пофыркивая, переступал через них, высоко вскидывая ноги. Неудобная дорога, а для пешего так и вовсе почти непроходимая.

Первей не любил такого леса. Он кожей ощущал, как тысячи деревьев ведут между собой безмолвную, неподвижную, страшную борьбу за место под солнцем, за землю под корнями, давя слабых слепо и безжалостно, и не смущаясь стоящими рядом трупами своих сородичей. Прямо как люди, подумал вдруг рыцарь. Совсем как люди.

Нет, Первей вообще-то любил лес, но совсем другой. Там, где медноствольные красавицы-сосны привольно стоят, давая простор солнечному свету. Где могучие неохватные дубы шелестят своими жёсткими листьями, маня путника отдохнуть в прохладной тени. Где по опушке танцуют свой неподвижный танец красавицы-берёзки, уже вошедшие в силу, как девушки на выданье. Лес, забывший о своём тёмном прошлом.

А ведь, наверное, каждый лес начинал вот так – мириады лезущих к свету ростков, упорно и беспощадно давящих тех, кто хоть чуть слабее. Или нет? И вообще, всегда ли страдание и смерть одних – неизбежное и обязательное условие счастья других?

Надо будет спросить об этом Голос, усмехнулся про себя Первей. Ответит или нет?

Дорога между тем вильнула и вывела путника к крутому спуску в овраг. Первей даже вздрогнул – до того чётко вид этого места, где он ни разу не был, отпечатался в его памяти. Да, Голос, как всегда, точен. Здесь внизу должен был быть бочажок с прозрачной и холодной водой. Отличное место для ночлега. Место его работы. Это должно было произойти здесь.

Первей любил такие задачи. Сложно, да. Зато сегодня все будут живы.

Гнедко запрядал ушами, зафыркал – почуял воду. Рыцарь спешился, взял коня под уздцы и начал аккуратно спускаться в овраг, пробуя ногой грунт. Тропа здесь была едва проторена, и спускаться приходилось почти наобум. Интересно, как тут пробираться вечером, не говоря уже о ночи?

В овраге действительно оказался симпатичный бочажок, где от пробивавшейся крохотной струйки на дне песчаной ямки плясали песчинки. Первей напоил коня, напился сам. Кругом росли плотные кусты, а трава была такой густой и сочной, что Гнедко тут же забыл обо всём на свете, хрупая так, что слышно было за версту.

Обследовав «рабочее место», Первей несколько минут посидел у бочажка просто так, поддаваясь тихому очарованию этого чудесного, укромного уголка. Затем скинул рубаху, сел по-турецки (Голос почему-то называл такую, с точки зрения христианина довольно неприличную позу «позой лотоса») и подставил себя солнечным лучам, закрыв глаза и изгнав всякие мысли. Солнечные лучи ласково касались его кожи, проникая всё глубже и глубже, как будто рыцарь становился всё прозрачнее, будто замутнённая вода, медленно отстаивающаяся в стеклянном сосуде. И вот уже солнечный свет с раскрытых ладоней, со всего тела стекается в одну точку – в солнечное сплетение, собираясь там в горячий, упругий шар, наполняя грудь щеко-чущим теплом. Шар рос, вытягивался, заполняя собой всего человека, вот солнечное тепло достигло головы...

Первей открыл глаза. Он уже давно научился контролировать свою энергию, и взрыва порохового бочонка в голове больше не получалось. Но всё равно ощущения были не из простых. Ладно. Ощущения ощущениями, но главное – у него сейчас достаточно маны, и она, вероятно, ох как понадобится сегодняшним вечером, а то и ночью.

Рыцарь снова обвёл глазами чудесный тихий уголок и порадовался, что сегодня у него такая работа. Что этот дивный уголок не придётся осквернять казнью. Да, сегодня это будет не казнь – сегодня его подопечных ждёт прозрение.

Что порой бывает хуже казни.

Первей вздохнул, напялил рубаху, затем куртку. До вечера ему ещё необходимо было сделать некоторые вещи. Голос Голосом, а дополнительные сведения никогда не бывают лишними. Значит, так... Сперва в местную корчму, куда и положено стекаться всем новостям со всей округи.

Гнедко подозрительно косил глазом, уплетая сочную траву с удвоенной силой – понимал, что обед, похоже, заканчивается.

– Пойдём, дружище, – виновато улыбнулся рыцарь. – Работа, понимаешь?

Гнедко неодобрительно фыркнул, в том смысле, что по своей воле уйти из такого места может разве что законченный идиот. А впрочем, что взять с человека, существа, ничего не понимающего ни во вкусе травы, ни, по большому счёту, во вкусе жизни?

Конь тяжело вздохнул и подчинился.

* * *

Корчма стояла на окраине села, углом выходя на дорогу. Первей окинул глазом добротное, обмазанное глиной и аккуратно побеленное строение. Крепкий хозяин.

В корчме в разгар трудового дня посетителей почти не было, только один пожилой мужичок с вислыми усами сидел, пригорюнясь, над пустой чаркой и глиняным блюдом с парой не то солёных, не то вяленых огурцов. Хозяина за стойкой тоже не было видно, и только из кухни доносились голоса. Первей подошёл к стойке, постучал, и, не дождавшись ответа, зычно окликнул:

– Хозяин! Эй, хозяин!

Хозяин, дородный и солидный, с пышными пшеничными усами, важно появился из кухни.

– Чем могу, добрый пан? Обед?

– Само собой, почтенный, – улыбнулся Первей. – И пива. И овса моему коню.

Хозяин важно кивнул, и Первей направился в угол, за свободный столик, откуда так удобно было наблюдать за дверью. Впрочем, наблюдать пока было не за кем. Ладно, пока есть время, потратим его с пользой. Отдохнём, поедим, не спеша выпьем пива. И подумаем.

* * *

...Это случилось прошлой зимой. Снег шёл и шёл, нет – валил и валил не переставая, меняясь, подобно настроению капризной панны. То он валил густыми, жирными, тяжёлыми хлопьями, тяжело оседая на гнувшихся под тяжестью висящих сугробов ветвях, то обретал колючесть и холодность, и поднимавшийся ветер взвихривал метель, в которой не было видно собственного коня. И снова ветер стихал, и снова валили стеной густые, жирные хлопья, уничтожая всякий намёк на дорогу.

Первей никогда доселе не терял дорогу, но тут... Прошло не менее трёх часов, прежде чем он понял – дальнейшее движение якобы вперёд приведёт его прямо в лапы смерти. Не то, чтобы рыцарь так уж боялся её, отнюдь. Но за время его скитаний он как-то привык, и несделанная работа, задание, которое он уже получил, тяготило его.

Полуразорённый стожок сена, ставленный на лесной поляне, был истинным чудом, спасением. Первей вознёс молитву Господу, затем с теплотой помянул безликий Голос, ещё ночью предупредивший его: «будет тяжело – заройся в сено и жди». Да, тут и коню есть чем поживиться, и самому дождаться конца бурана будет несложно... Вот только жаль, Голос обычно не откликался Первею во время бодрствования – всё больше во сне.

В толице сена завывание бури казалось мягким, успокаивающим. Рыцарь сразу будто провалился в сон – так велика была усталость.

«Ну здравствуй, рыцарь» – бесплотный шелестящий голос, как всегда, возник в самой голове. Когда-то, в самом начале, это страшно бесило Первею, и сам Голос тогда был как-то суше, что ли... Сейчас же Первей вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется слышать этот Голос, что он как-то даже скучает, что ли, когда его нет. Впрочем, если поначалу Голос

являлся рыцарю далеко не каждую ночь, и только по делу, то теперь их беседы стали почти еженощными и гораздо более продолжительными. Тоже вроде бы по делу – Первей задавал вопросы, Голос отвечал – и в то же время... Сам Голос обычно ни о чём Первею не спрашивал, дав понять, что знает о нём всё.

«И тебе крепкого здоровья, мой Голос» – отозвался во сне рыцарь. Да, так и ответил в тот раз. Обычно он отвечал просто – «привет».

Послышался короткий бесплотный смешок.

«Ну сам подумай, какое у меня может быть здоровье? У меня и тела-то нет»

«Ну значит, здоровье твоё вообще нерушимо. Ведь нельзя разрушить того, чего нет»

Долгая пауза.

«Это правда»

Вот странно – в бесплотном шелестящем Голосе Первею почудилась тоска.

«У тебя возникли за день какие-либо вопросы? Я имею в виду твою очередную задачу»

«Задачу... Да нет, тут всё вроде ясно. Вопросов нет»

Пауза.

«Ну тогда что – спокойной ночи?» – и снова в Голосе Первею почудилась грусть.

«Нет, погоди. Давай поговорим, правда, успею выспаться, вон какой буран. У меня ведь по вашей милости совсем не осталось друзей, а случайные собеседники – это не то... Словом, поговори со мной, пожалуйста»

Снова долгая пауза. Первей не был уверен, что получит согласие – бывало и так, что Голос исчезал, отключался не прощаясь, особенно поначалу, если вопрос, заданный Первеем, был не по делу или почему-либо недопустим.

«Вообще-то мне не положено разговаривать не по делу»

«Послушай. Я живой человек, и мне время от времени необходимо полноценное общение. Душу отвести, понимаешь? Если меня лишит этого, я буду чувствовать себя ещё хуже, чем сейчас, и это скажется на моей работе, ясно?»

Короткий шелестящий смешок.

«Ну разве что так... О чем мы будем говорить? Спрашивай, я постараюсь ответить»

«Слушай, и откуда ты всё знаешь? Ты и вправду всё знаешь?»

«Ну, не всё, но многое. Очень многое. Мне позволено»

«Кем позволено?»

Молчание. Нет ответа. И можно ждать до утра – его не будет. Ладно...

«Расскажи мне о себе»

Снова молчание. Долгое, долгое молчание, но Первей уже различал их – это молчание перед ответом.

«Что именно?»

«Ну... Как ты дошла до жизни такой» – и тут Первей испугался.

Он давно уже ловил себя на том, что подсознательно воспринимает Голос как женщину, такую стройную высокую молодую даму, с красивым, умным и холодным лицом, с гладко зачёсанными назад волосами.

«Почему ты решил, что я **дошла**? А может, я **дошёл**? Или и вовсе **дошло**?»

Почему? Трудно ответить. Нет, Голос ни разу не подставился, не сказал о себе что-то вроде «я подумал» или «я заметила», или хотя бы «я вспомнило». Только безличные предложения, только бесплотный шелестящий голос. И всё-таки...

«Не надо. Зачем? Ты **дошла**, не отпирайся»

Послышался вздох. Да, натуральный бесплотный вздох, вздох насмерть измученной женщины.

«Ты прав, рыцарь. Я действительно **дошла**. Как? Я не уверена, что мой рассказ доставит тебе удовольствие»

«Ничего, я потерплю»

Пауза.

«И я совершенно уверена, что этот рассказ не доставит удовольствия мне»

«Тебе потерпеть ещё проще. Вообще, женищины созданы для терпения»

Короткий бесплотный смешок.

«Нет, ты совершенно невозможен. Ну ладно, слушай.

Жила-была девочка. Нормальная с виду девочка, у нормальных родителей. Дом на краю села, за домом сад, дальше поле, за полем лес. В поле полным-полно васильков, из которых так славню плести венки. Пчёлы жужжат в белой кипени цветущих яблонь... И мамыны ласковые руки. И это «доченька, вставай»...

Голос пресёкся. Пауза. Долгая, долгая пауза.

«Только девочка не ценила всего этого. Её с детства влекла к себе магия. Её не тянуло к другим детям, и они отвечали ей взаимностью. Она нашла себе подружку не по летам – старую колдунью, живущую на отшибе, уже, считай, в лесу. Девочка могла часами сидеть с ней, учить заговоры, составлять обереги и прочее. Она научилась лечить детей и скот, научилась составлять приворотное зелье и снимать порчу. И напускать тоже научилась. Умирая, колдунья передала ей своё умение целиком. Но много ли знает деревенская колдунья? Девочке этого было мало, очень мало.

Впрочем, к тому времени она была уже не девочкой – девушкой, юной и прекрасной. Правда, местные парни боялись её, боялись одного взгляда огромных, глубоких, бархатно-чёрных глаз. Мать с отцом очень любили её и печалились, что женихи бегут от их ворот, как от пещеры дракона. Но девушку это не трогало. Зачем ей эти деревенские дурни, не могущие связать двух слов и годные лишь на то, чтобы с сопением залезть на женищину, как бык на корову? Нет, она метила выше, гораздо выше. И дождалась.

Когда он впервые посетил отца, по какому-то делу, она сразу поняла – это судьба. Ей, вообще-то, полагалось стыдливо потупиться и скрыться, но она стояла, бесстыжее выпятив грудь, раздувая ноздри и пожирая гостя своими чёрными огромными очами. И гость разом забыл про все дела, и только мычал чего-то, неотрывно глядя на эту бесстыжую вздымающуюся грудь с перекинутой чёрной косой, толстой, как корабельный канат, на эти трепещущие ноздри и полуоткрытые губы, а главное – в её колдовские глаза.

Дальше всё понеслось вихрем. Сваты с лентами и посохом, подарки, какие-то весёлые, улыбающиеся люди, кони мчатся... И священник, возлагающий на голову новобрачных венцы.

Жених был богат, он был из знатного рода, и он без памяти влюбился в неё. А любила ли его девушка? Если бы её спросили тогда, она ответила бы не колеблясь – «да». Собственно, так и ответила она перед алтарём. Ещё бы! Замужество вырывало её из серой деревенской жизни, открывая перед ней новые, сияющие перспективы. Какие? Она хотела стать магом. Не деревенской колдуньей, и не университетским учёным-шарлатаном в шёлковой мантии – настоящим магом, способным повелевать на расстоянии судьбами королей и миллионов.

Муж очень любил её, и потакал всем её капризам. Книжки? Какие угодно. Приборы? Пожарный. Жаль только, настоящего учителя-мага было не сыскать днём с огнём – к тому времени Королевство Польское объединилось с Великим Княжеством Литовским, и на землях бывшего княжества уже вовсю орудовала святая инквизиция, выжигая огнём всех, кто был способен хотя бы заговорить зубную боль. Настоящие маги ушли в глубокое подполье.

Родители мужа, с самого начала не очень-то восторгавшиеся невесткой по причине неравного положения, в штыки приняли её идею учиться магии. Свекровь начала упорную и кропотливую подготовку сына к разводу. Повод был весомый – молодые жили вместе четвёртый год, а детей всё не было. Глупая женищина! К этому времени девушка – нет, уже молодая женищина – давно переросла ту деревенскую колдунью, умеющую, кстати, совсем не так уж мало. Какие дети? Ей надо учиться, время уходит, а тут пелёнки! Нет, всё это подождёт.

Муж, любивший свою жену-ведьму до беспамятства, соглашался потерпеть и это. Но свекровь была иного мнения. Нет, молодая женищина в принципе была не злой, но позволить свекрови порушить свою жизнь она, разумеется, не могла»

Пауза. Долгая, долгая пауза.

«В общем, свекровь ничего не успела... Однажды свёкор лёг спать с живой, тёплой женщиной, а проснулся с холодной восковой куклой. Доказать ничего не удалось, но свёкор с тех пор ни ногой не ступал к сыну, не здоровался с невесткой, а напившись пьян, бегал с саблей и кричал, что зарубит ведьму. Дальше – хуже. Он совсем сошёл с ума, он перестал есть дома что-либо, питаясь в окрестных корчмах, а дома потреблял только вино из запечатанных бутылок, которые метил собственноручно особой печатью, и держал в запёртом погребе, ключ от которого не показывал никому. Но это бы полбеды. Однажды он пришёл к сыну и заявил – либо ты прогонишь эту ведьму, либо я лишаю тебя наследства, и пошли оба вон из моего дома!»

Снова долгая пауза.

«Зря он так. Подавиться вином в таком состоянии – плёвое дело. Во всяком случае, ты освоил этот фокус за несколько уроков. После похорон старого графа уже ничто, казалось, не мешало двум молодым, любящим друг друга людям жить в своё удовольствие. Графиня выписала-таки себе настоящего мага, сыскала буквально из-под земли – старый маг жил в Рудных горах, в какой-то пещере. Молодой графине удалось подкупить старого мага не деньгами – старик очень переживал, что древнее искусство стараниями церкви сходит на нет, и ненавидел попов всех мастей лютой ненавистью, считая их приспешниками дьявола, а инквизиторов – подлинными адскими псами, подлежащими безусловно уничтожению всеми доступными способами. Красота и недюжинный талант молодой графини, а главное – беззаветная преданность магии расстрогали старика, и он согласился на переезд в имение, где поселился в отдельном флигеле со всеми удобствами. Теперь графиня могла заниматься своим любимым делом под руководством отличного учителя днём и ночью.

Вразгар этих событий неожиданно появился с бандой головорезов брат мужа – вернулся с какой-то очередной войны нищим и ободраным и на этом основании решил требовать свою долю наследства. Бандитов было много, да ещё муж, не сразу сообразив, в чём дело, пустил дорогого братца со товарищи в замок... В общем, всё висело на волоске, и пришлось применить новый фокус. Ты с блеском использовал его совсем недавно против шайки разбойников.

Вот с этого-то момента всё и пошло наперекосяк. Муж, доселе без памяти любивший свою молодую жену – а она к тому времени стала уже совершенно роскошной красавицей – вдруг сделался задумчив, всё меньше и меньше времени проводил с женой, и всё чаще исчезал из замка. Молодая женищина, привыкшая каждую ночь получать горячие ласки любящего мужа, страдала и мучилась в своей одинокой холодной постели, даже плакала, что, в общем-то, было ей несвойственно. А потом решила всё исправить.

Всё вышло отлично – к тому времени она уже продвинулась в магии ой как далеко. Муж снова не сводил с неё глаз, днём непрерывно держал за руки, а ночью – за все остальные места. Вот только удовольствия от этого молодая графиня получала всё меньше и меньше – ей всё время почему-то казалось, что с ней спит кукла-марионетка, нити от которой держит в руках она сама. Да плюс делами муж совершенно перестал заниматься – он вообще перестал заниматься чем-либо, кроме графини, и даже кормить его приходилось чуть ли не насильно. А тут ещё старый маг покинул замок. Напрасно графиня умоляла его – старик был непреклонен. На прощание он сказал – возможно, инквизиторы где-то не так уж неправы»

И снова долгая, долгая пауза.

«Конец наступил быстро. Через неделю после ухода старого мага молодой граф упал с самой высокой башни, разбившись насмерть. Зачем он туда полез, осталось тайной, но можно предположить – он хотел одним рывком оборвать все верёвочки...

А ещё через девять дней к молодой вдове явился некто, назвавший себя Исполнителем. Как ни была подавлена и расстроена графиня, она вовсе не хотела умирать, и она дала бой. И тут выяснилось, что знает и умеет она хотя и немало, но недостаточно. В общем, умереть ей-таки пришлось»

Шелестящий бесплотный смешок.

«Её смерть была бы короче, а дальнейшая судьба куда хуже, если бы при жизни она не успела совершить несколько не особо поганных поступков, в том числе избавила от чумы окрестные сёла, принадлежащие графу. Не пустила туда чуму, и спасла тем множество жизней»

Долгая, долгая пауза.

«У тебя, рыцарь, по крайней мере есть руки, и ноги, у тебя есть тело, способное чувствовать прикосновение ветра, и солнечные лучи, и холод, и боль. Да, хотя бы боль! А у меня ничего этого нет. Один только голос, бесплотный голос. Господи, знал бы ты, как все эти годы я хочу пить, и нечем мне напиться!»

Первей давно уже слушал Голос, звучащий в его голове, не смея дышать. И вот сейчас он услышал... Да, нет никаких сомнений – это плач. Шелестящий, бесплотный плач смертельно измученной женщины. Того, что было женщиной. Того, что от неё осталось.

«Маленькая моя...» – неожиданно выдал из себя Первей.

«Ох, не жалей меня, рыцарь, не надо. Он прав – я заслужила, и со мной расплатились. Я не ропщу, нет. Что толку лить слёзы и сопли, когда дело сделано? Я буду работать, рыцарь, я буду работать, пока не заработаю прощение»

«Прощение? Какое прощение?»

Она ещё всхлипывала, но сквозь эти всхлипы уже пробился знакомый короткий смешок.

«Ну какой же ты всё-таки дурень, извини. Чем, по-твоему, мы с тобой всё это время занимаемся?»

Первей молчал, переваривая. Он-то думал...

Короткий смешок.

«Чтобы что-то делать, надо это уметь, и думать – не исключение»

«Ну и ехидная ты язва всё-таки» – не удержался Первей.

Снова бесплотный смех, чуть продолжительнее.

«Спасибо тебе. Огромное тебе спасибо, рыцарь. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна. Ты выслушал меня, и ты меня не презираешь, не ненавидишь...»

«Кто я такой, чтобы судить тебя?» – удивился Первей – «Я сам всего лишь Исполнитель. И ты знаешь – у меня рыло в пуху по самые уши»

Они помолчали.

«Слушай, как тебя зовут?»

Пауза.

«Я Голос. Голос Свыше. У Голосов нет имени»

«Но как тебя звали при жизни?»

«Неважно. Та жизнь ушла и не вернётся. А в следующей... откуда мне знать, как меня назовут? И назовут ли?»

«Тогда я буду звать тебя Родная. Можно?»

Пауза. Господи, какая долгая, бесконечно долгая пауза.

«Почему?»

«Видишь ли... Из всей родни в настоящий момент ты у меня одна. Вот так, Родная»

Снова пауза.

«Спасибо... родной»

** * **

Корчма наполнялась гулом голосов, народ всё прибывал и прибывал – мужики жаждали расслабиться после тяжёлого трудового дня. Первей заказал ещё кружку пива и сидел, полуприкрыв глаза, внимательно вслушиваясь в обрывки разговоров.

– ... А он мне гутарит – за такое сено в городе серебром заплатят, а не то, что здесь... Да вот беда – пан не велит возить в город, всё чтобы шло через него...

– ... Да разве же это сапоги? Нет, ты глянь, глянь – голенища же сползают, как чулки у пьяной бабы – срам! Ну, я ему вместо грошей – в рыло, и айда...

– Но сапоги-то всё ж забрал!

– А как? Не босому же мне ходить, раз такое дело. И потом, эта ж пьянь всё равно загнала бы теи сапоги кому-нибудь, и ходил бы человек, мучился... Уж лучше я сам!

Дружный хохот.

– ...Да ты на неё и глядеть опасайся. Нет, конечно, девка она куда как видная из себя, даром что по уму чистый младенец...

Первей весь превратился в слух. Двое собеседников расположились через столик от него. Один высокий, тощий как жердь, с бородой клинышком, второй – молодой, дюжий парень, с широким, как сковорода, губастым лицом.

– Поначалу-то немало было охотников повалить её на сене, в своё удовольствие, – тощий отхлебнул пива, почмокал. – Да только иных из них давно уж в живых нету, а которым ещё такая судьба выпала – хуже смерти. Вон Никифор Птица какой парень был, ни одной юбки мимо не пропускал – бродячая собака яйца откусила, ты себе представь! Ну да, прямо на улице, бежала себе мимо – и хватить! А братьев Крутых лесиной перешибло, да так ловко – лежат оба, только мычат да под себя гадят... И родителям каково, смотреть на такое...

– Так и что теперь, и сладу нету с колдуном проклятым? – подал голос губастый парень.

Тощий с сожалением посмотрел на него.

– Злой ты, Радек. Сладу по теперешним временам на любого найти можно – вон, псы папские рыщут, крови ищут. Да только зачем тебе такой грех на душу? Ну спялят их живьём – тебе от этого легче? А потом, к примеру, зубы заболят или поясницу скрутит, или хоть грыжа – куда идти? К инквизиторам, что ли? Так они кроме как людей жечь, особенно баб да девок молодых, и не умеют ничего. Каты, одно слово. И потом, он ведь никого первый не тронул покуда – не лезь, и живи спокойно.

Тощий допил пиво, встал, за ним поднялся и губастый парень.

– А насчёт дочки его я тебе верно говорю – забудь... На свою обиду он, может, ещё и плюнет, а за дочку...

Собеседники вышли в дверь, и что там будет обидчику за дочку колдуна, Первей не слышал.

Рыцарь вздохнул, отставил кружку. В принципе, можно было бы влезть в разговор – Первей это умел – но зачем? Вряд ли эти деревенщины смогут сообщить ему что-то такое, чего не сказал Голос.

Гул голосов неуловимо изменился, затихая. Первей поднял глаза.

На пороге корчмы стояла девушка. Взрослая уже девица, по здешним понятиям почти перестарок – лет двадцать, если не больше. Высокая, стройная, сильное гибкое тело так и распирает простое платье, слишком тесное и короткое для такой великовозрастной девицы – из-под подола виднелись стройные, загорелые ноги, аккуратные босые ступни покрыты слоем пыли. Свободно ниспадающие пышные пшеничные волосы обрамлял венок из полевых цветов, на длинной красивой шее – ожерелье из желудей, в руках девица держала букет цветов.

– Мир всем добрым людям! – пропела девушка.

Она легко обошла столики, улыбаясь всем без разбора, и каждому посетителю дарила цветок из своего букета, и люди неловко улыбались ей в ответ. Перед столиком Первея девушка остановилась в растерянности.

– А у Оксаны больше нету цветов, добрый пан. Жалко. Как же теперь вас коснётся Божья Благодать?

Первей смотрел ей в глаза, большие, золотисто-карие, на дне которых плавала странная смесь детской наивности, древней мудрости и тягучего, липкого безумия.

– Не переживай, Оксана, – улыбнулся рыцарь.

– Но как же? Оксана же видит, добрый пан – вам нужно очень, очень много цветов. Огромный букет, вот такой, – девушка развела руки широко-широко. – Иначе вам не видать Божьей Благодати, а это так плохо, так плохо...

– А ты нарви мне такой букет, – снова улыбнулся Первей. Народ в корчме совсем замолк, прислушиваясь к странному разговору.

Девушка задумалась, закусив губу. Тряхнула головой.

– Оксана будет стараться, добрый пан. Оксана принесёт вот такой букет, – девушка снова развела руки во всю ширь, даже привстала на цыпочки, – и тогда пану станет легче.

– Ты приходи к бочагу, там, в овраге, – ласково, как мог, улыбнулся Первей, – И мне станет легче, правда. Придёшь?

Послышалось сдавленное дурацкое гыгыканье, затем короткий звук подзатыльника, и всё стихло.

Девушка смотрела серьёзно, и рыцарю на миг почудилось – вовсе она не безумна, такая недетская, глубокая мудрость светилась в золотисто-карих глазах.

– Тятенька не велит Оксане, но Оксана видит – доброму пану очень, очень плохо. Оксана придёт.

* * *

Бочаг в сумерках выглядел бездонным, и не скажешь, что всей глубины тут – по колено, не более. В густеющих сумерках овраг казался каким-то нарисованным, ненастоящим, разом утратив глубину. А над головой чистым золотом сиял небосвод, незаметно бледнеющий в предвкушении тихой и ласковой летней ночи.

Первей вздохнул. Так не хотелось разрушать тихое очарование ясного летнего вечера, особенно прекрасного в этом дивном уголке – как в раю, ей-богу. Но пора, однако, развести огонь.

Лёгкие, почти бесшумные шаги босых ног, и перед ним возникла, будто из воздуха, ладная девичья фигурка. Да, девушка определённо перезревает – высокие, тугие груди, гибкая сильная талия, широко и жадно развёрнутые бедра... И детски-наивное лицо слабоумной дурочки. Нет, не так – тут всё сложнее...

– Добрый пан позвал, и Оксана пришла. Пану легче?

Первей улыбнулся так ласково, как только мог. Только не обидеть...

– Садись, Оксана. Меня зовут Первей. Сейчас я разведу костёр...

Девушка поморщилась.

– Огонь – плохо. Огонь жётся, огонь убивает. Никто из тех, кто попал в огонь, назад не вернулся. Огонь – орудие дьявола.

В глазах девушки плавала странная смесь детской наивности, безумия и нечеловеческой мудрости.

– Ну как же без огня, Оксана? – Первей снова мягко улыбнулся. – Человек тем и отличается от зверей, что имеет огонь. Не есть же нам всем сырое мясо?

– Нет-нет, огонь – плохо. Если бы не было огня, люди не жгли бы людей. Если бы не было огня, не было бы и железа – железо ведь не сделать без огня – и тогда не было бы ни мечей, ни кинжалов, ни цепей, и люди не смогли бы мучить и убивать друг друга. Если бы не было огня, люди не убивали бы лес – лес ведь убивают, чтобы кормить огонь. Если бы не было огня,

люди не стали бы убивать животных – кому нужно сырое мясо? И все тогда стали бы добрыми, и Божья Благодать снизошла бы на всех.

Первей вздохнул. Ладно, плохо так плохо. Обойдёмся и без огня.

Что-то вдруг изменилось в тихом, уютном уголке. Замолкли ночные птицы, уже пробу-
ющие голоса, стих ветерок, негромко шумевший в кустах по склонам оврага.

– Я приветствую тебя, Евпатий Чёрная Кость.

Тёмная фигура выступила из темноты густеющих сумерек.

– Кто ты? Я не знаю тебя. Назовись.

Первей чуть улыбнулся.

– Я Исполнитель.

Фигура не шевелилась.

– Я спросил твоё имя. Кто, откуда, зачем? Отвечай!

Словно стальной обруч сдавил голову. Рыцарь поморщился. Похоже, колдун привык полагаться на свою силу, давая всякое сопротивление. Это надо поломать, немедленно и жёстко, иначе разговор не получится.

– Тебе необязательно знать моё имя. Всё, что от тебя требуется – чётко исполнять мои указания.

Стальной обруч на голове сжался, сиюсь раздавить череп. Первей напрягся, привычно уже почувствовав прилив дрожи – стальной обруч с неслышным звоном разлетелся на мелкие осколки, колдун пошатнулся.

– Я не советовал бы тебе испытывать на мне свою силу. Подойди и сядь!

Колдун напрягся, сопротивляясь.

– Подойди и сядь, я сказал! Ну!

И тут на сцену выступила Оксана.

– Не смей! Не смей мучить тятеньку! Он добрый, ты не знаешь, какой он добрый! А ты злой! Если ты будешь таким злым, тебя никогда не коснётся Божья Благодать!

Первей шумно вздохнул, расслабляясь. В самом деле, разговор сразу пошёл наперекосяк, так нельзя...

– Я не желаю зла твоему тятеньке, Оксана. Я просто указал ему место, и он, похоже, уже понял это.

Тёмная фигура тоже расслабилась, шагнула ближе и уселась в трёх шагах, обхватив колени руками. Оксана тут же пристроилась рядом, воспользовавшись для сидения краем тятенькиного плаща.

– Зачем тебе моя дочь?

Рыцарь вздохнул.

– Мы должны поговорить. Твоя дочь не любит огня, поэтому костёр я разжигать не стану.

Человек в тёмном помедлил.

– Я слушаю.

– Твоя дочь безумна. Тебя это устраивает?

Евпатий наклонил голову, глядя исподлобья.

– Что тебе до того?

– Я спросил. Тебе придётся ответить, – мягко напомнил Первей.

Колдун напрягся, но демонстрировать свои приёмы не стал – очевидно, уже кое-что понял.

– Ты, похоже, человек не простой, очень даже не простой. Я всегда думал, что байки про Исполнителей – дремучие сказки...

– Как видишь, нет. Я задал вопрос, Евпатий.

Евпатий вздохнул.

– Хорошо. Ты спрашиваешь, устраивает ли меня её безумие? Да. Да, да, да! Посмотри на неё – она счастлива. Да, счастлива, как ребёнок, как нетронутый ребёнок, чистая, безгрешная, радующаяся солнцу, цветам, радуге после дождя – всему этому огромному миру!

– И ты полагаешь, взрослой девушке этого достаточно?

– Да, – колдун смотрел прямо, не мигая, но выражение его глаз в изрядно сгустившейся темноте с трёх шагов угадать было уже невозможно. – Любому человеку достаточно быть счастливым, а всё остальное – химеры.

– Ты не прав. Ты сам знаешь, что не прав, но ты боишься себе признаться в этом. И чем дольше длится всё это дело, тем страшнее тебе признать свою ошибку – ведь за ошибки жизнь, как правило, заставляет платить, платить дорого и очень больно. Я здесь затем, чтобы ты заплатил, Евпатий Чёрная Кость, покуда счёт не стал для тебя неподъёмным.

Колдун дёрнулся, но Первей остановил его движением руки.

– Не надо, Евпатий. Ты должен быть мне благодарен, если уж на то пошло. Ну не мне, скажем – я-то всего лишь Исполнитель – а своей судьбе. Я редко встречал такой мягкий Приговор, поверь мне. Дальше было бы хуже.

Евпатий помолчал, угрюмо глядя в землю.

– Оксана, доня, пойди погуляй. Только не отходи далеко!

– Хорошо, тятенька, – девушка легко поднялась. – Пан не будет больше обижать тятеньку?

Только не врать, внезапно понял Первей.

– Немножко буду, Оксана, совсем немножко. Но твой тятенька сильный и умный, он всё поймёт, и всё кончится хорошо, правда.

Оксана наморщила лоб, размышляя – можно ли оставить тятеньку с этим непонятным и злым паном, явно лишённым Божьей Благодати. Сомнения разрешились в пользу Первея, и девушка бесшумно растворилась в темноте. Зафыркал Гнедко – похоже, нашёл себе подходящую компанию.

Колдун нервно сплетал пальцы.

– Ты не спросил, откуда всё это пошло. Ты знаешь?

– Нет. Этого мне не сообщили.

– Так узнай. Однажды утром девочка шла по тропинке за молоком к знакомой молочной. Ей было шесть лет, и этих скотов тоже было шестеро. Обыкновенные наёмники, поганая шляхта. Разумеется, они бы предпочли взрослую девушку, но что делать, если таковой под рукою не оказалось?

Четверо шутя придерживали её руки и ноги, один работал, а ещё один жарил мясо на вертеле – мясо ведь нельзя оставлять без присмотра ни на минуту, верно? Потом они менялись. Когда мясо прожарилось, все шестеро как раз удовлетворили свою похоть и смогли приступить к завтраку.

Она всё-таки осталась жива, моя Оксана. Другой бы сказал – слава Богу, но я таких слов не говорю, так как ни в какого бога не верю – его просто нет, потому что его быть не может. Доказательства? То, что случилось с моей дочерью, делает версию о боге просто смехотворной. Да, Оксана выжила, выжила моими стараниями – тогда я был простой лекарь, пусть и хороший лекарь. Но мать её не перенесла такого, и вскоре её не стало. А девочка стала чахнуть, день за днём. Была весна, впереди было лето, но я понимал – осенью её не станет. И тогда я обратился к магии. Когда человек чего-либо очень, по-настоящему хочет, он этого добивается, рано или поздно. Я успел. Мне удалось погрузить душу моей дочери в раннее детство, до того, как это произошло.

– И она пребывает там до сих пор.

– Да! Скажи, тебе не приходило в голову, что по-настоящему счастливым человек бывает только в детстве? А дальше его ждут лишь мучения и страдания?

Первей вздохнул. Тяжёлый какой разговор... Впрочем, когда это ему выпадали лёгкие и непринуждённые беседы?

– И ещё. Ты не задумывался, почему господа попы так не любят магов, колдунов и ведьм? Всё просто. Простой человек должен быть беззащитен перед сильными мира сего – ни один волк не желает, чтобы у овечек были острые клыки и когти. Простолюдинам запрещено носить оружие. Но как быть с теми, чьё оружие всегда при себе, в голове? Очень просто – отобрать вместе с головой. Зачем волкам клыкастые овцы?

Колдун усмехнулся.

– А ведь магия куда лучше топора или меча. Пожалуй, хорошая магия даже лучше арбалета, ведь следов никаких! Покушал человек чего-либо, заболел животом, или горячкой, или чёрт-те чем, и привет. Или ещё лучше – подавился насмерть во время обеда. С кем не бывает? Или и вовсе уснул и не проснулся – на всё воля божья, так ведь? А может, моя?

Евпатий выпрямился.

– Так вот. Я намерен защищать себя и свою дочь вместо бога, которого нет. И сделать её счастливой вместо бога, которого нет.

Рыцарь задумчиво потёр лоб. Надо говорить, однако, иначе лекция пана колдуна затянется до утра.

– Вот что я тебе скажу, Евпатий. Ты, разумеется, можешь не верить в Бога. Ты даже можешь не верить в то, что Земля круглая – форма Земли от твоего неверия не изменится ни на йоту. И насчёт детства ты не совсем прав. Всем нам в детстве выдаётся счастье – выдаётся авансом, просто так, кому больше, кому меньше – но это именно аванс, задаток. А всё остальное счастье человек должен заработать себе сам. И аванс отработать, между прочим.

Колдун покачал головой.

– Красиво говоришь. Как жаль, что это всего лишь красивые слова, красивые и бесполезные.

– Я знаю, ты мне не поверил. И не должен был поверить сразу. Тебе нужно подумать.

– И не поверю. Она лежала в кустах возле тропинки, как использованная ветошь, а они жрали мясо, пили вино и хохотали. И где был твой Бог? Наверное, они и сейчас где-то бродят, творят свои чёрные дела, жрут мясо и вино, и смеются.

Первей задумался. Ай-яй-яй, какой тяжёлый разговор... Что ответить?

«Родная, помогла бы. А то не справлюсь»

«Сейчас, родной»

Рыцарь вздрогнул. Ещё никогда раньше Голос не откликался днём так мгновенно.

«Вот, даю справку. Из тех шестерых...»

Первей поднял глаза на собеседника.

– Возможно, пану Евпатию будет любопытно узнать, что одному из этих подонков выбили глаза, и он околел от голода в придорожной канаве. Второго продали туркам на галеру, и он подох под кнутом надсмотрщика. Третий умер довольно быстро – его обварили кипящей смолой при осаде, и он протянул чуть более суток. Четвёртого колесовали, как разбойника. Пятого зарезали собственные дружки, за деньги. Шестой умер прошлой осенью, умер своей смертью, от грудной жабы, и дальнейшая участь его наиболее ужасна, так как ему придётся заплатить за всё разом.

Колдун вытаращился так, что это было видно даже в темноте.

– Откуда... Откуда тебе это известно?

Первей слабо улыбнулся.

– Мне нечем доказать. Если я скажу тебе, что это мне вот прямо сейчас сообщил мой внутренний Голос, ты будешь смеяться, правда?

Евпатий вдруг резко переместился, и его глаза оказались в полулукте от глаз Первей. Рыцарь не пошевелился, смотрел в пронзительные глаза колдуна спокойно, прямо. Вот интересно, колдун этот тоже так хорошо видит в темноте?

– Ты сказал правду... Нет, невозможно... Погоди... Кто ты?

Первей улыбнулся уже устало.

– Я говорил тебе. Я Исполнитель.

– Исполнитель... так это не сказки... Оксана, доня, иди сюда!

Девушка, похоже, не отходила далеко, играла с конём рыцаря – Гнедко даже потянулся вслед за ней, тихонько фыркая.

– Оксана тут, тятенька.

Колдун встал, взял её за руку, сжав пальцы дочери.

– Я слушаю, Исполнитель. Мы слушаем. Что мы должны сделать?

Первей тоже встал.

– Ты должен вернуть своей дочери разум. Ты сможешь, не сомневайся – ведь ты так хорошо изучил сей предмет, пока препятствовал прозрению своей дочери, насильно удерживая её в детстве. Затем помочь наверстать упущенное. Затем ты должен выдать её замуж за хорошего человека – она сама укажет тебе, за кого. Потом ты должен оберегать её, лечить, нянчить внуков – обеспечить ей настоящее, а не призрачное счастье. Но это не всё. Твоя вина должна быть искуплена. Отныне ты должен извлекать из пучины безумия тех несчастных, которые там оказались – твои познания тебе очень пригодятся в этом деле. Всё.

Евпатий помолчал, раздумывая.

– Позволь спросить. Что мне будет... за тех? Двое лежат в могиле, ещё двое лежат живыми трупами, а один пьёт вчёрную и валяется по канавам, лишившись своего мужского достоинства...

– Не знаю, Евпатий. Я не решаю ничьей судьбы, я лишь исполняю предначертанное, – Первей усмехнулся. – И я даже не знаю, кем предначертанное. Я могу только **надеяться**. И, если тебе интересно моё личное мнение – то же самое следует делать тебе.

– А она? Что должна делать она?

Первей чуть помедлил.

– Прежде всего, простить своего отца за то, что он сотворил с ней. А потом... жить.

Пауза. Долгая, долгая пауза.

– Чтобы окончательно рассеять твои сомнения, могу сообщить тебе, что было бы, если бы я не появился. Какое-то время всё шло бы, как сейчас – Оксана оставалась бы девушкой-ребёнком, молодой женщиной-ребёнком, зрелой женщиной-ребёнком... А потом ты закончил бы свой путь на костре, и она осталась бы беспомощным одиноким ребёнком, и участь её была бы очень печальна – ведь аванс счастья надо отрабатывать, а времени у неё не осталось бы. Но хуже всего – этот круг был бы ей не засчитан, и ей пришлось бы начинать всё сызнова. Не веришь?

Колдун внезапно опустился на колени.

– Ты ангел?

– Я?! – Первей изумлённо расхохотался. – Вот это да! Смешнее шуток я и не слышал, право!

– Тятенька, не выдавай Оксану замуж, – вдруг робко подала голос Оксана. – Оксана не хочет замуж, Оксана хочет играть. Мужчины все плохо пахнут!

– Нет, пани Оксана, это невозможно, – окончательно развеселился Первей. – Такие титки уже давно должны покоиться в надёжных руках!

* * *

Гнедко шёл своим неповторимым, скользящим шагом, баюкающим всадника, словно в колыбели. Первей усмехнулся. Дорога ровная, развилок нет, может, и в самом деле вздремнуть в седле, предоставив инициативу коню? После бессонной ночи так и тянет в сон...

«Родная, отзовись»

«Да, мой рыцарь»

«Как мы сегодня, а? Ты довольна?»

Пауза.

«Кто я, чтобы оценивать, быть довольной или недовольной?»

«Ну не надо, пожалуйста. Не придирайся хоть со мной. Ты же довольна, я вижу»

Бесплотный смехок.

«Ну ты силён! Я сама себя никогда не видела, а он – видит...»

«Ну не вижу – чувствую, не придирайся к словам. Итак, ты довольна...»

«Да. Да, рыцарь. Вот если бы все задачи были такими...»

«Вот и я о том же. Слушай, ты не могла бы из всех этих уголовный дел выбирать... ну, скажем, не самые мерзкие, а?»

Бесплотный вздох.

«Я понимаю тебя. Ты даже не представляешь, **насколько** хорошо я тебя понимаю. Тебе было очень плохо тогда, у пани Эльжбеты... Прости, но не в моих силах выбирать Приговоры»

«Жаль... Нет, сегодня положительно хороший день. Я уже и не помню, когда я себя так чувствовал. Слушай, Родная, а ты умеешь петь песни?»

Долгая, долгая пауза.

«Нет, рыцарь. Извини, песен тебе петь я не буду»

Голос смолк, и Первей понял – на сегодня разговор окончен. Обиделась... Да, конечно, как он не сообразил – обиделась. Женщинам вообще свойственно обижаться.

«Не сердись, Родная, я не хотел тебя обидеть»

Молчание. Ответа нет и не будет.

«Знаешь, о чём я сейчас мечтаю?»

Молчание. Долгое, долгое молчание, но рыцарь уже понял – это молчание перед ответом.

«О чём?»

«Я мечтаю, чтобы тебя больше не мучила жажда. Я знаю, что такое нестерпимая жажда, поверь»

Долгое, долгое молчание.

«Спасибо тебе, родной»

* * *

Сильный удар привёл Первея в чувство. Он открыл глаза и увидел над собой конскую морду. Гнедко насмешливо фыркнул – ай да хозяин, какой молодец – уснул на ходу и выпал из седла...

* * *

Село на взгорке всё утопало в зелени, словно зелёная шапка пены над ендовой с крепким, забористым пивом. Первей усмехнулся – где её теперь увидишь, ендову... Теперь на землях

бывшей святой Руси, захваченных Литвой, а позже в качестве приданого отошедшего Польше, везде пьют пиво по немецкому обычаю – из высоких узких кружек.

Копыта коня глухо стучали по пыли. Всадник внимательно всматривался, даже скорее внюхивался – да, тут людям живётся туго. Веяло от села какой-то безысходной забитостью, что ли... Даже на порубежье Руси Московской не было такого – там за нарочитым небрежением хозяйственного устройства всё-таки проглядывала мрачная, угрюмая готовность к еже-часному бою с погаными степняками, то и дело тревожащими селян своими дикими набегами. А здесь... Забор-плетень, не чиненый уже бог знает сколько лет, совсем лёг набок. Может, хозяин пьянь деревенская? А вон ещё забор с дырой, и тощая горбатая свинья с выводком уверенно проникает в брешь, надеясь в густой лебеде и крапиве запущенного вконец огорода отыскать себе наконец достойное пропитание. И хаты все какие-то облупленные, небеленые, во многих местах отвалившаяся глина обнажала плетённый остов халуп, гнилая солома неряшливо свисала с крыш. Такое впечатление, что местные жители решили кое-как пережить лето, но уж к зиме точно всем обществом отойти в лучший мир. Так что сии пристанища сугубо временные, и тратить на них время глупо.

Деревенская корчма выглядела несколько пристойнее, нежели остальные постройки. Лицевая сторона её даже была кое-как побелена извёсткой, а дверь сияла свежим тёсаным деревом. Рыцарь соскочил с коня, привязал поводья к коновязи, толкнул дверь и вошёл внутрь.

В полумраке, особенно густом после ясного солнечного вечера, царящего снаружи, плавали запахи дыма и стряпни – вроде бы жареная гусятина?

– День добрый, хозяин! – окликнул Первей человека в засаленном фартуке, орудовавшего над очагом на пару с растрёпанной бабой неясного возраста и положения – то ли жена, то ли дочь-перестарок, то ли служанка. Человек бросил свою стряпню, подошёл. Точно, жареная гусятина...

– Что угодно пану? – поклонился хозяин.

– Овса моему коню, ужин и ночлег мне самому, – чуть улыбнулся рыцарь. – Как и положено путнику.

Хозяин помялся.

– Не сердитесь, добрый пан, но ужин ещё не готов.

Первей улыбнулся чуть шире.

– Не страшно, хозяин. Я посижу в уголке, выпью пива, а вы пока дожаривайте ваших гусей, и что там ещё у вас есть?

Хозяин комкал свой засаленный передник.

– Прошу прощения, добрый пан, тот гусь не про вас...

– Не понял, – улыбка сошла с лица Первея.

Хозяин смотрел на него затравленно.

– Не гневайтесь, добрый пан. Сюда в любой момент может заскочить наш ясновельможный пан Тыклинский, и горе мне, если на стол ему тотчас не подать горячий ужин. В тот раз он чуть не заporол меня насмерть...

Рыцарь медленно присел на скамейку.

– Он точно должен приехать в это время?

Хозяин тяжело вздохнул.

– Да кто ж его знает. Ясновельможный пан никому не докладывает, что у него в голове. Только пан Тыклинский требует, чтобы в любое время дня и ночи в любой корчме на его землях ему подавали горячее, а есть или нет – то пана не колышет...

– Но ведь гусь-то пережарится, сколько ты будешь держать его на очаге?

Хозяин вздохнул ещё тяжелее.

– Придётся жарить другого, а этот... Может, пан рыцарь подождёт часок, тогда я зажарю свежего, а этот пойдёт на стол доброму пану?

Первей рассмеялся.

– У тебя всё в порядке с головой, хозяин? Мне кажется, ты делаешь всё возможное, чтобы напрочь отвадить посетителей от своего заведения.

– Посетители... – хозяин тоскливо поглядел в окошко, по случаю летней погоды не имевшее даже рамы, через которое лениво выползал из харчевни слоистый дым. – Через земли пана Тыклинского давно уже стараются не ездить одинокие путники и даже обозы, так что отваживать, почитай, и некого.

Первей смотрел невозмутимо. Всё верно, значит, Голос, как всегда, точен. Ну что же, здесь мы сегодня поработаем...

– Кружку пива, каравай хлеба и кусок брынзы. Брынза-то есть у тебя?

– Найдётся, добрый пан, – радостно закивал головой хозяин. – Ещё есть тыквенная каша, если добрый пан не побрезгует...

– Давай и кашу, чёрт с тобой. И овса моему коню, сейчас!

Хозяин снова смутился.

– Так что, нету овса, добрый пан.

– Врёшь, – прищурился рыцарь. – Опять для своего пана бережёшь?

– Клянусь Христом, нету, не гневайтесь, пан рыцарь! – хозяин округлил глаза. – Сено вот есть, свежее сено, хорошее...

– Так... – Первей встал. – Пойдём-ка в твои закрома, добрый хозяин.

Он привычно напрягся, по телу пробежала дрожь, сменившаяся вроде бы холодком. Глаза хозяина остекленели, он повернулся и зашагал в чулан.

Овса в чулане действительно не оказалось, зато нашёлся мешок ячменя. Ладно, сгодится и ячмень...

Первей самолично насыпал в торбу Гнедка ячменя, со своей ладони скормил полкаравая хлеба. Деловито обшарив кладовку, Первей нашёл початый свиной окорок, связку колбас, длинный ломоть копчёного свиного сала, висящий на крюке, здоровенный кусок брынзы, две ведёрные оплетённые бутылки с красным вином и бочонок с пивом. Бутылки... Надо же, до чего точен Голос. За такого прознатчика некоторые отвалили бы гору золота.

Рыцарь достал тёмный флакон с притёртой пробкой. Откупорил одну бутылку, понюхал. Так себе винцо...

Серая струйка порошка сыпалась в широкое горло бутылки. Первей чуть пощёлкивал ногтем по флакону, одновременно следя, чтобы порошок не прилип к горлышку бутылки. Так, хватит. Остальное во вторую бутылку...

Освободив хозяина от гипноза, рыцарь уселся за стол.

– Да, хозяин, и как только держится твоё заведение!

– Ой, и не говорите, добрый пан. С тех пор, как на смену покойному старому пану пришёл молодой, я несу одни убытки, только убытки и ничего кроме убытков. А куда деваться, добрый пан? Это вам не прежние времена, когда захотел – ноги в горсть, да и пошёл себе к другому господину. Ныне мужикам бегать строго заказано.

Первей молча пил пиво, закусывая ломтями хлеба с положенными поверх ломтями брынзы – тоже немецкий обычай, притащенный сюда поляками. Впрочем, Первею было всё равно, в еде он давно не чувствовал особого вкуса – поел, и ладно. Да скоро ли явится этот самый ясновельможный пан Тыклинский? Плохо, если сегодня придётся ночевать в этой халупе. Тут, поди, и клопы имеются...

«Отзовись, Родная»

«Слушаю тебя, рыцарь»

Да, похоже, они-таки сработались, Первей и его ведущий Голос. Надо же – наяву и откликается по первому зову...

«Когда этот явится? Ты же всё знаешь»

Короткий бесплотный смешок.

«Да, я знаю многое, но далеко не всё. Этот ясновельможный пан Тыклинский непредсказуем, как всякий полоумный маньяк. Кто знает, что в голову ущербную придёт, одно лишь ясно: мысли светлые её не посещают»

Рыцарь засмеялся в голос, и хозяин со служанкой покосились на него изумлённо – всего-то кружка пива...

«Обрадую тебя. Похоже, в голову ясновельможного пана пришла-таки нужная нам мысль. Он скачет сюда, в корчму»

Первей поставил на стол недопитую кружку пива. И пиво-то у него дрянь... Верно подмечено в народе – у злого хозяина доброго пива не бывает...

Вдалеке послышался нарастающий топот множества копыт – ни дать ни взять, скачет татарская конница с Дикого Поля. Погоня, что ли?

Дверь распахнулась от мощного удара, едва не слетев с петель (вот почему новые двери, сообразил Первей – похоже, хозяину приходится менять их часто), и в корчму ввалились дюжие молодчики, гогоча и улюлюкая. Впереди всех явился роскошно одетый молодой человек, с саблей и кинжалом на боку, в высоких запylённых сапогах, поигрывающий нагайкой.

– Эй, где ты там, Гонза? Слезай со своей козы, я хочу заглянуть в твои прекрасные очи!

Громовой хохот, от которого заколебалось даже пламя в очаге. Корчмарь уже спешил навстречу с угодливой улыбкой, распластавшись в подобострастном поклоне.

– Горячее на стол, живо! И вина! Гжесь, Войтек, Клык, Рябой – немедленно найдите в этой дыре приличную девку, да смотрите, чтобы нетронутую – шкуру спущу! И не тащите мне десятилетнюю, как в прошлый раз – у девки должны быть титьки, дурачье! Себе можете взять что хотите, лишь бы не девку. Всё ясно?

– Так есть, светлый пан! Сей момент доставим!

– Бегом марш!

Когда четверо смелых отправились на поиски добычи, пан Тыклинский размашисто пересёк корчму, сел на лавку и только тут заметил Первея, спокойно сидевшего в тёмном углу.

– Это ещё кто? Эй, любезный пан! Будьте добры, подойдите сюда!

Рыцарь не пошевелился, спокойно прихлёбывая пиво. Дрянь пивцо-то, дрянь...

– Эй, любезный! Он глухой?

– Я отлично слышу вас, пан Тыклинский.

Галдёж в корчме затих.

– Кто вы такой, и откуда знаете меня?

Первей снова отставил кружку. Нет, как хотите, моча, а не пиво...

– Я Исполнитель.

– Исполнитель чего?

Первей промолчал, откидываясь на лавке, опираясь на стену.

– Я не слышу ответа.

– Пан Тыклинский, ну зачем вам знать ненужное? Всё, что от вас требуется – быстро и чётко исполнять мои команды.

Вот теперь в корчме стало по-настоящему тихо, только огонь шипел и потрескивал в очаге. Нет, так не пойдёт – того и гляди, разразится драка, а он один... И потом, Приговор следует исполнять точно.

Рыцарь привычно сосредоточился – волна дрожи, затем как бы холодок...

– Подойдите сюда, пан Тыклинский.

Вышеназванный пан встал, как сомнамбула, неловко переставляя ноги, подошёл к столу, за которым примостился Первей.

– Садитесь, прошу пана.

Зачарованный со стуком, как кукла, сел на лавку напротив.

– Я королевский исполнитель, прибыл сюда по вашему делу, – рыцарь почти не солгал, – Но это чуть позже, а пока, мне кажется, вашим молодцам пора выпить и закусить.

Или хотя бы выпить, подумал Первей, ослабляя нажим.

В глазах пана Тыклинского появилось некое осмысленное выражение.

– Я рад приветствовать ясновельможного пана королевского прокурора на своей родовой земле. Эй, Гонза! Вина! Все пьют!

Гул голосов разом возобновился, молодцы пана Тыклинского рассаживались кто куда. Похоже, у пана проблемы, ну так это его проблемы. Для рядового головореза первое дело – выпить и закусить.

Гонза уже тащил на подносе кружки на всю компанию. Первым делом он подбежал к столу, за которым сидели пан Тыклинский и Первей, подобострастно и ловко выставил два высоких гранёных стеклянных кубка. Первей усмехнулся – видать, не всю ещё посуду перебили молодцы ясновельможного пана в зачуханной корчме.

– Я попросил бы вас пока воздержаться, пан Тыклинский. У меня для вас есть приятный сюрприз.

И снова Первей почти не соврал. Есть сюрприз, конечно есть. Ну разве что не совсем приятный.

Ясновельможный пан с готовностью отставил кубок, выжидательно глядя на Первея. Ишь ты, какой послушенький стал, гад...

Рыцарь неторопливо вытащил свиток, заготовленный заранее. Всё верно – список преступлений доброго пана был так велик, что запомнить его наизусть было непросто.

– Ознакомьтесь с сим документом, ясновельможный пан, – прислушиваясь к шуму в зале, Первей протянул свиток пану Тыклинскому.

Шум в корчме между тем стихал, и вообще здесь творились интересные вещи – дюжие головорезы ясновельможного пана на глазах сникали и один за другим валялись под стол. Не успели закусить, подумал рыцарь мельком.

– Что... Что это? – хрипло спросил молодой пан. Свиток в руках сильно дрожал.

– Список твоих преступлений, что же ещё? – Первей осматривал залу, где в беспорядке валялись приспешники доброго пана. – Кто из них Щучья Кость и Кочан?

Пан Тыклинский поднял полубезумные глаза, и Первей **вошёл в них** взглядом. Глаза ясновельможного пана вновь остекленели.

– Кто из них Щучья Кость и Кочан? – повторил вопрос Первей.

Пан ткнул рукой раз, другой, с трудом облизал губы. Рыцарь встал из-за стола.

– Вставай, ты мне pomoжешь. Эй, Гонза, иди сюда, ты тоже нужен!

Корчмарь не отзывался. Первею пришлось пройти в кухню, где он обнаружил забившегося в угол хозяина, дрожавшего крупной дрожью, словно конь. Служанка, похоже, сбежала. Хорошо, что сам не сбежал с перепугу, подумал рыцарь, ищи его потом... А впрочем, теперь уже не страшно. Если что, его найдёт Святая инквизиция, в конце концов.

Первей взял корчмаря за жирный подбородок, поднял голову и посмотрел ему в глаза. Нет, не стоит тратить на этого слизня ману.

– Вставай. Ты мне нужен. Встать!

Втроем они взялись за тяжёлое, неподвижное тело, на котором жили теперь одни глаза. Всё правильно, этот яд так и действует – сперва отказывают руки-ноги, затем человек вообще теряет способность к движению, превращаясь в кусок мяса. И только где-то спустя четверть часа, когда паралич охватит дыхательные мышцы, пациент умрёт от удушья. При этом бедняга чувствует всё, вплоть до самого конца.

Они подняли долговязого жилистого парня с рассечённым шрамом лицом – это был Щучья Кость – Первей за ноги, корчмарь и пан Тыклинский за плечи. Повинуясь приказу рыцаря, неподвижное тело водрузили на решётку очага, под которой горел слабый огонь.

Молодчик начал издавать жуткие стоны, но пошевелить хотя бы пальцем не смог. Пан Тыклинский безразлично смотрел на всё это стеклянными глазами замороченного, корчмарь же вовсю стучал зубами и громко икал.

Ту же процедуру проделали и с Кочаном – здоровенным парнем, чья нечёсаная кудлатая башка и впрямь очень напоминала крупный кочан капусты. Дождавшись, пока стоны затихнут, Первей повернулся к двоим помощникам, они же осуждённые по Приговору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.